

2018

UNODC

Управление Организации Объединенных Наций
по наркотикам и преступности

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО НАРКОТИКАМ И
ПРЕСТУПНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**АНАЛИЗ УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН:
ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ**

Сентябрь 2018

Анализ Уголовно-исполнительного кодекса Республики Узбекистан: предложения и рекомендации

В настоящей публикации представлен «Анализ Уголовно-исполнительного кодекса Республики Узбекистан: предложения и рекомендации», автором которого является Гета М., доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Кемеровского государственного университета.

Данная публикация официально не редактировалась.

Содержание публикации не обязательно отражает мнение или политику Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), или содействующих организаций, и не подразумевает какого-либо одобрения с их сторон. Используемые обозначения и изложение материала в данной публикации не подразумевает выражения со стороны УНП ООН какого-либо мнения относительно правового статуса страны, территории или населенного пункта, либо соответствующего правительства, а также относительно делимитации соответствующих границ.

Представленный анализ был подготовлен в рамках Программы УНП ООН для государств Центральной Азии 2015 – 2019 гг., Подпрограмма 2: Уголовное правосудие, предупреждение преступности и коррупции, в рамках реализации пункта 3.3 «Плана мероприятий («Дорожной карты») по дальнейшему развитию сотрудничества между Республикой Узбекистан и УНП ООН в 2017-2019 гг.», подписанного сторонами в ноябре 2017 года.

Содержание

Введение	3
1. Уголовно-исполнительный кодекс и его задачи.....	4
2. Основы правового положения осужденных в УИК Республики Узбекистан	6
3. Исправление осужденных, его средства и критерии.....	10
4. Органы и учреждения исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.....	11
5. Контроль в сфере деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового воздействия.....	14
6. Порядок исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы	14
7. Система пенитенциарных учреждений и их градация	20
8. Исполнение наказания в виде лишения свободы	25
9. Проблемы исполнения иных мер уголовно-правового воздействия.....	34
10. Досрочное освобождение осужденных от отбывания наказания.....	38
11. Итоги экспертного анализа	42
Используемые источники.....	45

Введение

В Республике Узбекистан деятельность национальной пенитенциарной системы регулируется при участии норм и институтов уголовно-исполнительного законодательства. «Ядром» этого законодательства является действующий Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Узбекистан (далее - УИК РУз.), утвержденный Законом Республики Узбекистан №409-1 от 25 апреля 1997 г. и включающий последующие изменения, и дополнения. Этот Кодекс, так же, как и законодательные акты других государств Центральной Азии, посвященных сфере исполнения наказаний и принятых на рубеже XX – XXI веков, сохраняет структуру прежнего законодательства советской эпохи и отдельные новеллы, отражающие состояние уголовно-исполнительной политики государства в изменившихся исторических условиях его развития.

Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан по своей структуре состоит из Общей и Особенной части. Юридическая техника и конструирование его норм и институтов в целом не отличаются от юридической техники построения уголовно-исполнительного законодательства в России, в других государствах Центральной Азии. В то же время УИК РУз. не включает в себя глоссария с перечнем используемых нормативных конструкций, в отличие, например, от действующего Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан.

Целью настоящего анализа выступает выявление современного состояния Уголовно-исполнительного кодекса Республики Узбекистан и его соотношения с международными стандартами ООН, посвященными правам человека в сфере уголовной юстиции; оценка проблем правового регулирования, которые необходимо учесть в процессе изменений уголовно-исполнительного законодательства Узбекистана, как важнейшей составной части демократических преобразований правовой системы государства.

Предмет исследования образуют положения действующей редакции Уголовно-исполнительного кодекса Республики Узбекистан, международно-правовых актов ООН, отдельные нормы и институты уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Латвии, России, Казахстана и других государств.

Основные вопросы для экспертного заключения:

1. Уголовно-исполнительный кодекс и его задачи;
2. Основы правового положения осужденных в УИК Республики Узбекистан;
3. Исправление осужденных, его средства и критерии;
4. Органы и учреждения исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия;
5. Контроль в сфере деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового воздействия;
6. Порядок исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы;
7. Система пенитенциарных учреждений и их градация;
8. Исполнение наказания в виде лишения свободы;
9. Проблемы исполнения иных мер уголовно-правового воздействия;
10. Досрочное освобождение осужденных от отбывания наказания;
11. Итоги экспертного анализа.

1. Уголовно-исполнительный кодекс и его задачи

В соответствии со статьей 1 УИК РУз., «... уголовно-исполнительное законодательство основывается на Конституции Республики Узбекистан и состоит из настоящего Кодекса, а также принимаемых в соответствии с ним других актов законодательства». Таким образом, конституционные положения обозначены, как доминирующие в конструировании уголовно-исполнительных норм и институтов. УИК РУз. определяет принципы, порядок и условия исполнения уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия. Следовательно, наряду с исполнением наказаний он регулирует сферу исполнения *иных мер уголовно-правового воздействия*, наказанием не являющихся и выступающих самостоятельными уголовно-правовыми средствами.

Действующий УИК РУз. определяет также основы правового статуса осужденных, средства их исправления, порядок освобождения осужденных от отбывания наказания, порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. В упомянутой статье 1 УИК РУз., помимо этого, в предмет регулирования уголовно-исполнительного законодательства включено «участие органов государственной власти и самоуправления граждан, предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений и граждан в исправлении осужденных».

В статье 2 УИК РУз. названы задачи уголовно-исполнительного законодательства. Это «...обеспечение исполнения наказания, исправление осужденных, предупреждение совершения преступлений, охрана прав, свобод и законных интересов осужденных». Задача исправления осужденного является важнейшей. По существу, об этой задаче говорят Минимальные Стандартные Правила ООН в отношении обращения с заключенными («Правила Нельсона Манделы»). В этом документе ООН, применительно к цели наказания в виде лишения свободы, отмечается, что оно должно обеспечивать «... насколько это возможно, чтобы правонарушители были готовы вести законопослушный образ и обеспечивать свое существование по возвращении к жизни в обществе...». При этом необходимо в отношении осужденных «...прививать им желание подчиняться законам и обеспечивать свое существование после освобождения, а также помогать им приспособиться к новой жизни...» (Правило 91 Правил Нельсона Манделы). Фактически речь идет об исправлении в сочетании с созданием условий для ресоциализации осужденных, и данное положение Правил Нельсона Манделы вполне применимо к задачам *всех мер уголовно-правового воздействия*. Представляется правильной позиция узбекского законодателя относительно закрепления такой задачи как охрана прав, свобод и законных интересов осужденных и предупреждение преступлений. Исполнение наказания выступает *в качестве правоохранительной деятельности*, «сердцевиной» которой допустимо считать защиту прав и свобод человека. Об этом свидетельствуют положения международных правовых актов, посвященных обращению с правонарушителями.

Так, в частности, в Кодексе ООН поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка от 17 декабря 1979 года весьма четко обозначено, что «...при выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство и **поддерживают, и защищают права человека по отношению ко всем лицам...**». **Следовательно, задача защиты прав и свобод осужденных логически вытекает из содержания международно-правовых актов в сфере уголовной юстиции, и она, несомненно, должна быть сохранена в национальном уголовно-исполнительном законодательстве Узбекистана.**

Что касается задачи предупреждения преступлений, то она весьма оправдана, и формулировка «предупреждение совершения преступлений» позволяет «охватить» не только осужденного, но и иных лиц (родственников заключенных, персонала уголовно-исполнительной системы и т.п.). Следовательно, решение этой задачи УИК РУз. предполагает противодействие любым преступлениям, а не только проявлениям криминального рецидива.

В статье 4 УИК РУз. устанавливается, что «...уголовно-исполнительное законодательство учитывает принципы и нормы международного права, относящиеся к исполнению наказания и обращения с осужденными». Таким образом, можно полагать, что в УИК Узбекистана **учитываются общепризнанные нормы международного права**, а упоминание о международных договорах в статье 4 УИК РУз. **свидетельствуют и об их признании**. При этом оговаривается, что возможная коллизия между нормативными правовыми актами в сфере уголовно-исполнительного законодательства и международным договором должна преодолеваться в пользу международного договора. **Данное положение в УИК РУз. представляется исключительно важным и позволяет иметь некую «точку опоры» в дальнейшей имплементации международно-правовых актов в действующем и будущем национальном уголовно-исполнительном законодательстве Узбекистана.**

В то же время буквальное толкование части 1 статьи 4 УИК РУз. дает повод считать, что сфера реализации международных правовых норм ограничивается только исполнением наказания и обращением с осужденными. Это вступает в определенное противоречие с содержанием УИК РУз., поскольку он регулирует **исполнение не только наказаний, но и иных мер уголовно-правового воздействия**, а адресатами его норм являются не только осужденные, но и лица, подвергнутые принудительным мерам медицинского характера, несовершеннолетние правонарушители, не получившие статуса осужденного. Вполне очевидно, что нормы международного права в области уголовной юстиции должны применяться и к этим лицам (так же, как и нормы о защите от пыток и жестокого обращения), **распространяться на все меры уголовно-правового воздействия**, а не только на исполнение наказания. Тем более что в соответствии со статьей 7 Международного

Пакта ООН о гражданских и политических правах, «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию...»¹. Эта императивная норма авторитетного международного договора **применима ко всем лицам, включая осужденных и иных адресатов уголовно-правового воздействия, статус которых «охватывает» уголовно-исполнительное законодательство.**

Согласно статье 5 УИК РУз., основанием для исполнения наказания является приговор, определение или постановление суда, вступившие в законную силу, а также акт амнистии или помилования. Аналогичное положение содержится в рамках действующего УИК Российской Федерации (1996 г.).

2. Основы правового положения осужденных в УИК Республики Узбекистан

В Конвенции ООН против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания закреплено положение о том, что «...признание равных и неотъемлемых прав всех членов человеческой семьи является основой свободы, справедливости и всеобщего мира»². Эти права «вытекают из достоинства, присущего человеческой личности»³. **Несомненно, что общепризнанные нормы и принципы международных актов о правах человека должны выстраивать фундамент правового положения осужденных в национальном уголовно-исполнительном законодательстве конкретных государств.**

В действующем УИК РУз предусмотрена глава 2, посвященная правовому положению осужденных. В ней, как и в других уголовно-исполнительных кодексах государств региона Центральной Азии, правовое положение осужденных рассматривается как синтез их прав и обязанностей. Аналогичный подход также отражается и в УИК Российской Федерации. Правовая доктрина включает в этот перечень право и дееспособность осужденных, их законные интересы. Однако ключевыми дефинициями являются именно права и обязанности.

Так, например, по мнению В.И. Селиверстова, правовой статус осужденных «...по своему содержанию – совокупность прав, обязанностей и законных интересов, по юридическому назначению – степень развития правового статуса граждан, осуществляемого путем его ограничения, конкретизации и дополнения»⁴. Справедливо считать, что правовой статус осужденных – это результат трансформации правового статуса личности, проявляющийся в различных правоограничениях, возникающих в условиях назначения наказания или иной меры

¹ Международный Билль о правах человека. - Алматы, 2002. - С. 27.

² Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 года.

³ Там же.

⁴ Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказание. - М., 1992. - С. 57.

уголовно-правового воздействия. Это, по существу, отражено в статье 8 УИК РУз., согласно которой «...осужденные имеют права, свободы и несут обязанности, предусмотренные для граждан Республики Узбекистан, с изъятиями и ограничениями, установленными настоящим Кодексом и другими законами. Осужденные иностранные граждане и лица без гражданства также могут иметь права, свободы и нести обязанности, установленные международными договорами Республики Узбекистан». Далее, в статье 8 УИК РУз. оговаривается, что «...права и обязанности, осужденных определяются исходя из порядка и условий исполнения конкретного вида наказания». Думается, что порядок и условия исполнения (и отбывания) наказания не должны определять содержание такой фундаментальной категории, как права и обязанности осужденных (и иных лиц, ставших адресатами уголовно-правового воздействия). Представляется, что *объем ограничений прав осужденных и особенности их юридических обязанностей устанавливаются с учетом общих положений Уголовно-исполнительного Кодекса Республики Узбекистан исходя из порядка и условий исполнения и отбывания конкретных мер уголовно-правового воздействия.*

Какие права осужденных названы в статье 9 УИК РУз? Обращение к перечню основных прав позволяет увидеть, что к ним относятся:

1) право на получение информации о порядке и условиях отбывания наказания, о своих правах и обязанностях;

2) право на обращение с жалобой, заявлением, предложением к администрации исправительного учреждения, в государственный орган или общественное объединение на родном или другом языке. ***Следует отметить, что право на обращение в международные органы и организации по защите прав и свобод человека, в действующем УИК РУз. отсутствует.*** Это не соответствует рекомендации Правил Нельсона Манделы, которые также уделяют большое внимание закреплению гарантий подачи жалобы или иного заявления в условиях конфиденциальности и безопасности, исключающих риск мести и иного негативного воздействия. К сожалению, о праве осужденных на данные условия обращения статья 9 УИК РУз. не упоминает. Очевидно, что подобное обстоятельство служит весьма серьезным препятствием для реализации осужденными права на обращение не только в международные, но и в национальные органы по охране прав человека в Республике Узбекистан. Справедливости ради отметим, что названную проблему конфиденциальности обращения заключенных с жалобой пока не решили и в уголовно-исполнительных кодексах некоторых других стран, таких как Казахстан и Российская Федерация.

3) право на получение ответов на обращение осужденных;

4) право давать объяснения, вести переписку, в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика;

5) право использовать учебные, художественные и другие информационные материалы;

6) право на охрану здоровья, в том числе на получение медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических и стационарных условиях, в зависимости от медицинского заключения;

7) право на социальное обеспечение, на получение пенсии в соответствии с законодательством.

Отдельно оговорено право осужденных иностранцев поддерживать связь с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств.

Самостоятельная статья 10 УИК РУз. посвящена праву осужденных на получение юридической помощи. Законодатель определяет объем прав адвоката при посещении осужденного. В принципе, в УИК РУз. нормы о праве на юридическую помощь выглядят содержательно. **Однако вызывает вопросы положение статьи 10 УИК РУз. об отказе в удовлетворении ходатайства адвоката о предоставлении встречи с осужденным в случае, если сам осужденный заявил об отказе от такой встречи.** Надо ли это закреплять в законе? Более того, существует риск отказа осужденного от свидания с адвокатом под давлением администрации исправительного учреждения. По крайней мере, гарантии, исключающие подобную ситуацию, отсутствуют. К сожалению, в уголовно-исполнительном законодательстве не только Узбекистана, а также и других государств Центральной Азии нет норм, в которых бы содержался механизм участия адвоката в расследовании пыток и жестокого обращения, в обеспечении конфиденциальности подачи жалоб осужденных.

В статье 11 УИК РУз. предусмотрено также право осужденных на личную безопасность. Аналогичное право есть в УИК Российской Федерации, а также в УИК Казахстана и Кыргызской Республики. **Однако действующий УИК РУз. не раскрывает, каким образом это право реализуется и какие конкретные меры должны принимать должностные лица пенитенциарных учреждений по защите осужденного при возникновении опасности для его жизни и здоровья.**

О праве на свободу совести осужденных говорит статья 12 УИК РУз. Эта статья оговаривает, что «...к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, по их просьбе, приглашаются служители религиозных объединений, зарегистрированных в установленном порядке. Осужденным разрешается отправление религиозных обрядов, пользование предметами культа и религиозной литературой». Из этого положения нормы статьи 12 УИК РУз. можно сделать вывод о том, что **посещение исправительного учреждения священнослужителями даже зарегистрированных религиозных объединений, при отсутствии соответствующих просьб осужденных, не предусмотрено.** По-видимому, не

допускается функционирование на территории исправительных учреждений помещений для отправления религиозных таинств, обрядов.

Сходная ситуация с «заявительным» подходом для посещения священнослужителями мест лишения свободы существует, например, в уголовно-исполнительном законодательстве Казахстана. Определенное объяснение этому можно найти в опасении руководства уголовно-исполнительной системы в отношении исламского религиозного экстремизма. Но вряд ли избыточные ограничения в сфере реализации права на свободу отправления религиозных обрядов, затрагивающие осужденных мусульман, христиан и других верующих, не имеющих отношения к экстремизму, будут способствовать нормальному нравственному климату в исправительных учреждениях. **Кроме того, в статье 12 УИК РУз. ничего не говорится о том, к кому конкретно и в каком порядке должен обращаться осужденный, желающий пригласить священнослужителя для исповеди или другого религиозного таинства.** Возможно, это, как в Казахстане, регулируется ведомственным подзаконным актом уголовно-исполнительной системы.

Завершая обзор изложения прав осужденных в УИК РУз., следует отметить, что в нем **не обозначено право осужденных на вежливое обращение со стороны персонала пенитенциарных учреждений, на защиту от пыток и жестокого обращения. Не имеется также никаких оговорок о правах осужденных, относящихся к уязвимым группам (например, лицам с ограниченными возможностями). Между тем, данным правам уделяют достаточно большое внимание Правила Нельсона Манделы и другие международно-правовые акты об обращении с осужденными.**

Что касается такого элемента правового статуса осужденных, как юридические обязанности, то их регулированию посвящена статья 13 УИК РУз. В ней названы следующие виды юридических обязанностей: 1) соблюдение порядка и условий отбывания наказания; 2) выполнение основанных на законе требований администрации учреждения или органа, исполняющего наказание. Эти обязанности в основном схожи с обязанностями осужденных в других государствах региона Центральной Азии, России, Беларуси. Однако, к сожалению, УИК РУз. не упоминает о необходимости выполнения осужденными своих гражданских обязанностей, что «выравнивало» бы заключенных и других граждан государства. В статье 13 УИК РУз. предусмотрена возможность наступления ответственности (по-видимому, прежде всего дисциплинарной) за невыполнение осужденным обязанностей, закрепленных в УИК Узбекистана.

3. Исправление осужденных, его средства и критерии

Самостоятельная статья 7 в УИК РУз. посвящена исправлению осужденных. Она содержит законодательное определение исправления, его средства, такие, как: 1) установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим); 2) общественно-полезный труд; 3) воспитательная работа; 4) общеобразовательное и профессиональное обучение; 5) профессиональная подготовка; 6) общественное воздействие. Подобный перечень весьма традиционен для уголовно-исполнительных кодексов России, Казахстана, Кыргызстана.

Так, например, в статье 9 УИК Российской Федерации исправление предусматривает формирование у осужденных «...уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование их правопослушного поведения». Оговорки о подобном стимулировании в УИК РУз. нет. Следует отметить, что, например, в Латвии, как и в ряде других европейских государств, чаще используется дефиниция «ресоциализации». Так, в частности, в статье 61.1 Кодекса Латвии об исполнении наказаний определяется, что «Процесс ресоциализации осужденных к лишению свободы (в дальнейшем - ресоциализация осужденных) является совокупностью мероприятий по коррекции социального поведения и социальной реабилитации, целью которой является содействие правовому поведению осужденного и формирования у него понимания социально положительных ценностей.

Коррекция социального поведения осужденных к лишению свободы (в дальнейшем – коррекция социального поведения осужденных) является совокупностью средств, которая в рамках исполнения наказания в виде лишения свободы реализуется для содействия правовому поведению осужденного и предотвращения причин противоправного поведения. Социальная реабилитация осужденных к лишению свободы (в дальнейшем – социальная реабилитация осужденных) является совокупностью средств, которая в рамках исполнения наказания в виде лишения свободы реализуется для сохранения или освоения осужденным социальных навыков, профессиональных или общих знаний и умений».

Как отмечалось ранее, об исправлении как о цели исполнения уголовно-правовых санкций, подробно говорится в Правиле 91 «Правил Нельсона Манделы». Правовая доктрина также обращает внимание на проблематику исправления. Как замечает российский исследователь В.А.Уткин, исправление предполагает: а) формирование у осужденного субъективной готовности сознательного добровольного соблюдения норм уголовного закона; б) формирование в его личности объективных качеств, свойств, способствующих ответственному законопослушному поведению⁵. ***Однако критерии исправления осужденных в статье 7 УИК РУз. отсутствуют.***

⁵ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. - Томск, 2018. - С. 41.

Справедливости ради надо сказать, что данная проблема не решена в полной мере в уголовно-исполнительных кодексах России и государств Центральной Азии. Наличие в УИК Республики Беларусь статьи 116, посвященной критериям исправления осужденных, также вряд ли может служить образцом. В этой статье (аналогов которой нет во многих других кодексах) специально говорится о критериях исправления, соответствие которым устанавливают путем аттестации осужденного учреждения, исполняющие наказание. Однако сами критерии выглядят довольно устаревшими: «твердо вставшие на путь исправления», «доказавшие исправление» и т.п. Решение названной проблемы имеет не только доктринальный, но и прикладной контекст, поскольку сотрудники пенитенциарной системы должны представлять, *по каким признакам можно судить о том, насколько успешен процесс исправления и включения каких ресурсов он требует. Более того, исправление можно рассматривать как составную часть процесса ресоциализации, предпосылки которой должны создаваться не только уголовно-исполнительным законодательством, но и практикой его применения.*

4. Органы и учреждения исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия

В УИК РУз. предусмотрено регулирование исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, включая принудительные меры медицинского характера. Поэтому в нем содержатся самостоятельные нормы, одна из которых (ст. 14 УИК РУз.) посвящена исполнению наказаний, а другая (ст. 15 УИК РУз.) – иных мер уголовно-правового воздействия. *Следует отметить, что уголовно-исполнительная система Республики Узбекистан находится в «силовом» ведомстве – МВД Узбекистана.* В силу данного обстоятельства, большинство наказаний исполняются органами внутренних дел. К этим наказаниям относятся: 1) лишение осужденного определенного права; 2) обязательные общественные работы; 3) исправительные работы; 4) ограничение свободы; 5) лишение свободы и пожизненное лишение свободы. Органы внутренних дел исполняют большую часть наказаний с момента обретения Узбекистаном государственной независимости, продолжая традицию, существовавшую в период СССР. Правда, в статье 14 УИК РУз. упомянут, помимо ОВД, «иной орган, определяемый судом», но юрисдикция этого органа, его наименование не приводится.

Кроме того, администрация по месту работы осужденного исполняет требование приговора о лишении определенного права (увольнение осужденного), и орган, выдавший то или иное административное разрешение, аннулирует его в отношении лица, которому данное наказание назначено. В связи с этим возникает вопрос о том, как далеко простирается возможность определить «иной орган» для исполнения наказания, является ли этот выбор полностью зависящим от усмотрения

суда, либо он должен исходить из какого-либо перечня этих органов. Экономическая санкция (наказание в виде штрафа) исполняется Бюро принудительного исполнения при Генеральной прокуратуре Узбекистана.

Существуют и специальные виды наказаний. Так, в частности, наказание в виде ограничения по службе, адресованное военнослужащим, исполняется командованием воинских частей по месту прохождения службы осужденным. Направление в дисциплинарную воинскую часть исполняется соответствующим воинским подразделением, имеющим статус дисциплинарных частей. И, наконец, являющееся дополнительным наказанием в виде лишения воинского или специального звания, исполняется органом, присвоившим это звание.

Как отмечалось ранее, исполнение иных мер уголовно-правового воздействия, регулируется положениями статьи 15 УИК РУз. Прежде всего, это условное осуждение, которое исполняется органами внутренних дел (узбекский законодатель не уточняет в этой статье, какими именно структурными подразделениями ОВД). Как следует из дальнейшего содержания УИК РУз., этой структурой является **инспекция исполнения наказаний при ОВД по месту жительства осужденного**. Условное осуждение применительно к военнослужащим исполняется командованием воинских частей по месту службы.

Принудительные меры медицинского характера в отношении страдающих психическими расстройствами лиц, совершивших общественно-опасные деяния, – исполняются медицинскими учреждениями, находящимися в юрисдикции органов здравоохранения. В случае если принудительные меры медицинского характера были назначены осужденному, страдающему алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, исполнение также осуществляют медицинские учреждения органов здравоохранения. Если осужденный отбывает при этом лишение свободы, исполняют названные меры медицинские учреждения ОВД.

Наряду с этим, статья 15 УИК РУз. называет суд в качестве субъекта исполнения принудительной меры в отношении несовершеннолетних в виде возложения обязанности принести извинение потерпевшему, возместить или устранить ущерб, причиненный преступлением. Принудительные меры в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение для несовершеннолетних исполняются органами народного образования.

Таким образом, **уголовно-исполнительная система Республики Узбекистан является ключевым звеном в субъектном составе структур, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового воздействия. Ключевым, но не единственным, как, впрочем, и в других государствах региона Центральной Азии.** Определение места «юрисдикции» уголовно-исполнительной системы является суверенным правом национального законодателя. **Однако эксперт должен отметить, что предпочтительнее устанавливать эту «юрисдикцию» за гражданскими ведомствами, обособленными от деятельности по раскрытию**

преступлений, функционированию органов полиции. Во всяком случае, по такому пути идет законодательство и практика большинства современных европейских государств. Многие страны бывшего СССР передали национальные уголовно-исполнительные системы Министерству юстиции. Так, в частности, произошло в Эстонии, Латвии, России, Кыргызстане, Казахстане. Правда, в Казахстане затем состоялся обратный процесс возвращения УИС в МВД Республики Казахстан (2011 год). В Кыргызской Республике в 2009 году создана Государственная служба исполнения наказаний при Правительстве Кыргызской Республики.

Следует отметить по этому поводу примеры передовой практики на международном уровне, разделяемая единогласно УНП ООН, ОБСЕ и Советом Европы, в частности, рекомендуемые государствам-участникам использовать модели организации уголовно-исполнительной системы, которая находится в компетенции Министерства юстиции.⁶ Как отражено в специальной публикации УНП ООН «Меры, связанные и не связанные с лишением свободы: Тюремная система»:

«В контексте широкого стратегического подхода техническая помощь в сфере управления тюрьмами может предусматривать меры, позволяющие обеспечить ... проведение законодательных и структурных реформ, направленных на передачу службы управления пенитенциарной системой от министерства, отвечающего за расследование преступлений, в ведение отдельного министерства, которое отвечает за управление тюрьмами (например, от Министерства внутренних дел в Министерство юстиции), и способствующих демилитаризации систем.⁷ ...В демократических странах тюремная администрация, как правило, является государственным ведомством, которое подчиняется одному из министерств в составе правительства. В большинстве европейских стран министерством, ведающим делами тюрем, является Министерство юстиции. В остальных странах тюремной системой или только учреждениями предварительного заключения может заниматься Министерство внутренних дел. В редких случаях может быть создан отдельный департамент, осуществляющий управление тюрьмами. Подчинение тюремной администрации, включая учреждения предварительного заключения, Министерству юстиции принято считать наилучшей практикой. Совет Европы рекомендует всем государствам – кандидатам на вступление в ЕС, где это еще не сделано, перевести тюремную службу из ведения Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции. Этот шаг является важным, поскольку он

⁶ Ковалев Н.П. Пенитенциарные системы: сравнительный анализ организационно-правовых форм // Ежегодник Центра правовых исследований. Астана, 2008. - С. 209.

⁷ Управление ООН по наркотикам и преступности, «Меры, связанные и не связанные с лишением свободы: Тюремная система» из цикла «Пособие по оценке систем уголовного правосудия», Нью-Йорк, 2010 г., стр. 4.

отражает принцип разделения полномочий между ведомствами, которые отвечают за расследование уголовных дел, и теми, которые осуществляют управление пенитенциарными учреждениями. Во-вторых, в странах, где Министерство внутренних дел является военным ведомством (например, во многих посткоммунистических государствах), тюремную службу следует переводить из военного подчинения в гражданское.»⁸

5. Контроль в сфере деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового воздействия

Уголовно-исполнительное законодательство Узбекистана не содержит подробного перечня субъектов контроля за деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. В статье 16 УИК РУз. оговаривается контроль органов государственной власти и управления (последнее, по существу, также входит в систему государственной власти в качестве элемента одной из ее «ветвей»). Пределы этого контроля не определены и содержится положение о том, что контроль осуществляется «...в случаях и порядке, установленном законодательством». В статье 17 УИК РУз. закреплен прокурорский надзор, как форма контроля, реализуемая Генеральным Прокурором РУз. и подчиненными ему прокурорами. **Общественный контроль, которому большое внимание уделяют Правила Нельсона Манделы и другие международные правовые акты в сфере уголовной юстиции в УИК РУз. не упоминается и можно полагать, что его правовые основания и механизм реализации отсутствуют.**

В статье 18 УИК РУз. перечисляются субъекты, имеющие право посещения органов и учреждений, исполняющих наказания. Это должностные лица государственных органов, представители СМИ, «иные лица» (под которыми, в принципе, можно предполагать представителей гражданского общества). Право беспрепятственного посещения органов и учреждений УИС имеет Уполномоченный Олий Мажлиса РУз. по правам человека (омбудсмен). Из буквального толкования нормы статьи 18 УИК РУз. следует, что подобные посещения **не распространяются на учреждения, исполняющие иные меры уголовно-правового воздействия в виде принудительных мер медицинского характера и принудительных мер для несовершеннолетних.** В статье 18 УИК РУз. о таких посещениях ничего не сказано.

6. Порядок исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы

Как отмечалось ранее, уголовное законодательство Республики Узбекистан предусматривает наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества. К

---

⁸ Там же, стр. 38.

ним относятся: 1) штраф; 2) лишение определенного права; 3) обязательные общественные работы; 4) исправительные работы; 5) ограничение свободы. Эти альтернативные санкции, в целом, имеют аналоги в законодательстве многих современных государств, и лишь исправительные работы выступают своего рода «детисцем» советской эпохи, сохранившимся, помимо Узбекистана, в России и других государствах ЕвроАзЭС. Такие наказания, как общественные работы, лишение прав, штраф (экономическая санкция) названы в Стандартных Минимальных Правилах ООН по применению мер, не связанных с тюремным заключением («Токийских Правилах»). Вивьен Стерн отмечает, например, что «...самой популярной альтернативной мерой среди населения и представителей судебной системы являются общественные работы...»⁹. Наказание в виде исправительных работ хотя и не упоминается в «Токийских Правилах» ООН, но, как замечает профессор В.А. Уткин, не противоречат им.¹⁰ «Токийские Правила» ООН, как универсальный международный правовой акт «... основываются на учете культурных, исторических и правовых условий и традиций каждой конкретной страны»¹¹. Несомненно, что наказание в виде исправительных работ достаточно прочно укоренилось в правовой реальности ряда постсоветских государств.

В УИК РУз. определены порядок и условия исполнения наказаний, в том числе не связанных с лишением свободы. Эти положения содержатся в разделе II Особенной части УИК РУз. Логика их построения включает в себя нормы о порядке исполнения наказания, полномочиях государственного органа, на который возложено бремя его исполнения, обязанности осужденного, полномочия субъектов, участвующих в исполнении наказания (например, обязанности администрации организации в условиях отбывания осужденным обязательных общественных работ). Наряду с этим, законодатель говорит также о правовых последствиях нарушения порядка и условий отбывания наказания.

Так, в частности, штраф осужденный должен уплатить самостоятельно, в месячный срок со дня вступления приговора в законную силу. Для несовершеннолетнего срок такой уплаты установлен до шести месяцев. Если данное требование статьи 19 УИК РУз. не выполнено осужденным, в дело вступает государственный исполнитель – Бюро принудительного исполнения при Генеральной Прокуратуре Узбекистана. Оно принудительно исполняет штраф, обращая данное наказание на имущество осужденного. Штраф может быть отложен на определенный срок (отсрочен) или рассрочен. В случае уклонения от его уплаты, по представлению государственного исполнителя, суд заменяет штраф на наказание в виде исправительных работ или общественных обязательных работ в соответствии со статьями 44 и 82 УК РУз. Какого-либо воспитательного воздействия на

⁹ Стерн В. Разработка мер, альтернативных тюремному заключению в странах Центральной и Восточной Европы, и Средней Азии. - Будапешт, 2002. - С. 10.

¹⁰ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. - Томск, 2018. - С. 104.

¹¹ Гета М.Р. Альтернативы наказанию. - Усть-Каменогорск, 2004. - С. 37.

осужденного к штрафу не предусмотрено, хотя это наказание, по замечанию В.А.Уткина, может быть не только «разовым» по сроку исполнения, но и «продолжаемым», если штраф устанавливается в рассрочку¹². Вопреки довольно распространенному суждению о наибольшей мягкости штрафа среди всех альтернативных санкций, следует признать, что это весьма тяжелое, обременительное наказание для малоимущих граждан, поражающее имущественные права личности. Рассчитывать на массовую практику применения штрафа, по видимому, не приходится, и это наказание имеет скорее «устрашающий», чем исправительный эффект. В Российской Федерации, например, доля применения штрафа за период с 2008 по 2016 г. существенно не изменилась. Его удельный вес в системе уголовно-правовых средств в 2008 году составлял 14,3%, а в 2016 году - 14,1%¹³. В условиях стабильной экономической системы в развитых современных государствах штраф занимает более солидный удельный вес. Так, например, доля штрафа в Японии составляла 95% среди уголовно-правовых мер, в Германии его удельный вес достигал 80%, во Франции - 48%¹⁴. Для такой массовой практики штрафа существуют не только социально-экономические, но и правовые предпосылки. Так, в частности, в статье 37 УК Австрии предусмотрена обязанность суда при назначении лишения свободы на срок до шести месяцев отдать предпочтение штрафу.

Наказание в виде лишения определенного права (фактически, права на занятие определенным видом деятельности) исполняется инспекцией исполнения наказаний ОВД по месту жительства осужденного. Функции Инспекции при исполнении данного наказания, в соответствии со статьей 22 УИК РУз., сводятся к ведению учета осужденных, направлению в администрации организаций по месту трудовой деятельности осужденного или в орган, выдавший административное разрешение, извещения о запрете на занятие соответствующим видом деятельности (медицинской, образовательной и т.п.). Кроме того, Инспекция проверяет, не возобновил ли осужденный запрещенную ему деятельность. Когда извещение Инспекции получено работодателем осужденного, тот обязан в трехдневный срок освободить последнего от должности, занятие которой запрещено, а орган, выдавший административное разрешение - аннулировать его. Осужденный должен сообщить Инспекции об изменении трудового договора, предоставить документы о своей занятости, являться по вызову в Инспекцию. **Каких-либо воспитательных, ресоциализирующих мер воздействия со стороны Инспекции на осужденного при данном наказании в УИК РУз. не предусмотрено.**

Наказание в виде обязательных общественных работ (глава 6-1 УИК РУз.) исполняется Инспекцией исполнения наказаний ОВД по месту жительства

¹² Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. - Томск, 2018. - С. 114.

¹³ Уткин В.А. Указ. соч. - С.121.

¹⁴ Лаптев А. Виды уголовных санкций по законодательству зарубежных стран и их применение. - Рязань, 1994. - С. 17.

осужденного. Что касается мест отбывания данного наказания, то они предлагаются для Инспекций, согласно статье 25-1 УИК РУз., местными органами исполнительной власти. Отбывается эта уголовно-правовая мера осужденным в свободное от основной работы время. В соответствии с рекомендациями международно-правовых актов, данная мера есть «...обязательная неоплачиваемая работа в пользу общества»¹⁵.

По-видимому, общественные обязательные работы должны отбываться на социально-значимых объектах либо осуществляться в форме социально-полезной деятельности, превалирующей над коммерческими интересами бизнеса. Срок отбывания рассматриваемого наказания измеряется в часах, фактически проработанных осужденным (не более четырех часов в выходные и праздничные дни и двух часов в обычные дни- для взрослых). Для несовершеннолетних эта продолжительность не может быть, согласно статье 25-6 УИК РУз., больше трех часов в выходные и праздничные дни, а в рабочие, учебные дни-более двух часов. Привлекать несовершеннолетних к отбыванию общественных обязательных работ разрешается не более трех дней в неделю. Максимальная продолжительность общественных обязательных работ в Узбекистане, как и в Российской Федерации, достигает 480 часов. Если осужденный уклонился от отбывания данного наказания, суд заменяет его неотбытую часть на наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы. При этом один день ограничения и лишения свободы приравнивается к дневной норме общественных обязательных работ- 4 часа (ст. 45.1 УК РУз.).

Уголовное законодательство Узбекистана, как отмечалось ранее, сохранило довольно распространенное в советский период наказание в виде исправительных работ (ст. 46 УК РУз.). Данное наказание заключается в ежемесячном удержании из заработной платы осужденного в размере от 10% до 30%, иначе говоря, фактически до 1/3 его заработка. Максимальная продолжительность исправительных работ составляет 3 года (в России этот срок несколько меньше - 2 года). Исправительные работы в Узбекистане существуют в виде двух моделей: 1) вариант отбывания по имеющемуся месту работы; 2) вариант отбывания в иных местах, определяемых органами, ведающими исполнением исправительных работ. Исполнению этого наказания посвящена глава 7 УИК РУз. Заслуживает внимания то обстоятельство, что УИК РУз. предусматривает отбывание исправительных работ не только по месту жительства осужденного, но и *по месту вынесения судебного приговора*, если осужденный постоянного места жительства не имеет.

Инспекция исполнения наказаний при ОВД ставит осужденного на учет и ведет его, контролирует соблюдение осужденным порядка условий отбывания наказания, сердцевиной которого в данном случае является фактический выход осужденного на работу. Помимо этого, Инспекция проверяет своевременность и

---

¹⁵ Стерн В. Указ. соч. - С.30.

правильность удержания из заработка, осужденного его работодателем, перечисления этих удержаний в государственный бюджет. В ее компетенции находится также выдача разрешения на прекращение трудового договора с осужденными, отбывающими исправительные работы «в иных местах». Следует отметить, что отбывание наказания по месту работы осужденного почти ничего не меняет в его правовом статусе, по сравнению с иными работниками (конечно, кроме наличия удержаний из заработка и судимости). Труд такого осужденного как «обязательный» можно рассматривать лишь в том смысле, что адресат исправительных работ не может расторгнуть трудовой договор с работодателем по своему желанию.

Если назначены исправительные работы по второй модели («в иных местах»), обязательность труда заключается в том, что осужденный должен трудоустроиться в организацию, которую определила Инспекция, регулярно выходить на работу именно в этой организации. Уволиться такой осужденный вправе только с письменного разрешения Инспекции исполнения наказаний (ст. 29 УИК РУз.). Трудовая деятельность осужденного (соблюдение им правил внутреннего трудового распорядка, выполнение производственных заданий работодателя) регулируется трудовым законодательством Республики Узбекистан. В случае уклонения осужденным от отбывания исправительных работ, по представлению Инспекции исполнения наказаний суд заменяет неотбытую часть исправительных работ наказанием в виде ограничения или лишения свободы на тот же срок. Для этого, согласно статье 46 УК РУз., необходимо, чтобы осужденный уклонился на срок **свыше 1/10 продолжительности** данного наказания. Причем уклонился суммарно, то есть **1/10** срока будут складываться из всех случаев уклонения, которые могли происходить периодически. Статья 32 УИК РУз. по вопросу правовых последствий уклонения от отбывания исправительных работ отсылает также к норме статьи 83 УК РУз. В ней регулируется замена исправительных работ для несовершеннолетних. Такая замена предусмотрена, если уклонение превысит 1/10 часть срока исправительных работ (здесь законодатель ничего не говорит о суммарности данного срока). Исправительные работы заменяются на ограничение или лишение свободы. При этом одному дню ограничения или лишения свободы соответствует три дня исправительных работ. **Глава 7 УИК РУз. не упоминает о каком-либо воспитательном, ресоциализирующем воздействии Инспекции исполнения наказаний на осужденных к исправительным работам и о мерах поощрения тех «адресатов» исправительных работ, которые добросовестно трудятся и получают позитивную оценку своего труда со стороны работодателя.**

Альтернативная санкция в виде ограничения свободы закреплена статьей 48-1 УК РУз. Аналогичное наказание имеется, например, в уголовном законодательстве Российской Федерации (ст. 53 УК РФ). В России это наказание стало результатом трансформации уголовной кары, заключающейся в содержании осужденных в

исправительных центрах, в новую уголовно-правовую меру, которая предусматривает систему ограничений различных прав осужденных. Эту «новую версию» ограничения свободы проф. В.А. Уткин назвал по содержанию наиболее близкой к условному осуждению¹⁶. Автор настоящего исследования отмечал, что «...фактически запреты посещать определенные места, [...] обязанности не менять место жительства, ...являться в специализированный государственный орган, осуществляющий контроль, ...выступают правовыми средствами предупредительного характера, призванными нейтрализовать факторы криминогенного риска в поведении осужденного и удерживать его под контролем. Следовательно, ограничение свободы является мерой безопасности, совершенно необоснованно оказавшейся в системе уголовных наказаний»¹⁷. Вариант ограничения свободы в Узбекистане так же, как и в России, содержит комплекс обязанностей и запретов, ограничивающих свободы личности в различных проявлениях (свободу в проведении досуга, выбора той или иной деятельности, места жительства и места нахождения, определения круга общения и т.д.). Эти ограничения весьма наглядно отражены в содержании ограничения свободы в УК Узбекистана. ***Следует отметить, что уголовно-исполнительное законодательство ряда современных европейских государств предусматривает схожие запреты и обязанности осужденных, в рамках институтов условного осуждения и условного освобождения от наказания. Об этом, в частности, говорит статья 119-7 Кодекса Латвии об исполнении наказаний. Фактически, в большинстве стран Западной и Восточной Европы вместо ограничения свободы существует пробационный надзор.***

На уголовно-исполнительное законодательство возложено бремя регулирования исполнения ограничения свободы. Контроль за осужденными осуществляют Инспекции исполнения наказаний при ОВД. Однако в статье 44-1 УИК РУз. упоминается и «иной орган, определяемый судом», который может осуществлять подобный контроль. В процессе осуществления контроля проверяется соблюдение осужденными запретов, обусловленных ограничением свободы. Могут применяться, как это следует из статьи 44-3 УИК РУз., электронные средства слежения. Обязанности и запреты при данном наказании существуют как основные (названные в законе) и факультативные (устанавливаемые судом по своему усмотрению). ***Это позволяет увидеть в ограничении свободы элемент, присущий пробации, в ее различных, известных мировой практике организационно-правовых моделях.*** Обязанности и запреты достаточно строги, хотя некоторые из них, например, запрет осужденному употреблять алкогольные напитки, довольно сложно проконтролировать. Не вполне ясно также, означает ли полный запрет

¹⁶ Уткин В.А. Указ. соч. - С. 212.

¹⁷ Гета М.Р. Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России. - М., 2016. – С. 204.

осужденному оставлять жилище его абсолютную изоляцию в жилом помещении, или статьи 48-1 УК РУз., 44 УИК РУз. под **полным запретом** понимают недопустимость оставления жилища без уважительных причин? Во всяком случае, в обязанностях и запретах ограничения свободы видна их выраженная предупредительная направленность, **к сожалению, не дополненная ресоциализирующей составляющей и мерами воспитательного воздействия, что составляет ядро probation в многих государствах, невзирая на различия ее национальных моделей.**

Ограничения, возложенные на осужденного, могут изменяться судом по представлению инспекции (и, по-видимому, другого органа, исполняющего наказание в виде ограничения свободы). В статье 44-4 УИК РУз. определены критерии злостного нарушения порядка и условий отбывания ограничения свободы, оговаривается, что за такое нарушение в суд вносится представление о замене неотбытой части ограничения свободы на другое наказание. **Однако это «другое наказание» не конкретизировано, и представляется, что речь идет о замене на наказание в виде лишения свободы.**

7. Система пенитенциарных учреждений и их градация

Важное место в уголовно-исполнительном законодательстве Узбекистана занимает наказание в виде лишения свободы. Следует отметить, что продолжительность данного наказания составляет от одного месяца до двадцати лет. За умышленное убийство и терроризм может быть назначено лишение свободы на срок до 25 лет. Подобная продолжительность лишения свободы может быть установлена осужденному по правилам сложения наказаний, в соответствии со статьей 60 УК РУз. В статье 51 УК РУз. предусмотрено пожизненное лишение свободы. В части 1 статьи 50 УК РУз. законодатель определяет, что лишение свободы «...состоит в изоляции осужденного от общества, посредством помещения в *колонию* по исполнению наказаний или в *тюрьму*».

Несмотря на то, что такая трактовка указывает на наличие смешанной «колониально-тюремной» пенитенциарной системы в настоящее время, уголовно-исполнительная система в Узбекистане остается такой, какой она была установлена в советское время. А именно, система, которая, в отличие от западных пенитенциарных систем изначально сложилась преимущественно как «лагерная», «колониальная». **После обретения Узбекистаном государственной независимости его пенитенциарная система, как и аналогичные системы других государств Центральной Азии, сохранила основные черты «советской модели» исполнения наказания, неизбежными атрибутами которой являются преобладание числа колоний над числом тюрем, коллективный уклад жизни осужденных (преобладающее отрядное содержание), милитаризированный**

характер управления осужденными и исправительными учреждениями, связь отбывания наказания с промышленным производством. «Советская модель» была наследием эпохи, однако она оказалась воспринятой целым рядом постсоветских государств, в том числе Узбекистаном.

Обращение к статье 45 УИК РУз. позволяет увидеть, что колонии явно преобладают среди видов пенитенциарных учреждений. Так, в частности, колонии по исполнению наказания подразделяются на колонии-поселения, колонии общего, строгого и особого режима. Эти учреждения не именуются «исправительными», а обозначены как колонии соответствующего режима. Кроме них, существуют воспитательные колонии для несовершеннолетних.

Что касается тюрем, то они, в соответствии со статьей 52 УИК РУз, предназначены для содержания определенных категорий осужденных (в УК РУз. это особо опасные рецидивисты и лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, повлекшие наказание в виде лишения свободы свыше пяти лет). Кроме того, в тюрьмах содержатся злостные нарушители порядка отбывания наказания, переведенные из колоний общего и строгого режимов.

Узбекский законодатель сохранил категорию особо опасного рецидивиста, от которой отказались в законодательстве и пенитенциарной практике России, Казахстана, Кыргызской Республики, заменив ее на менее стигматизирующую категорию особо опасного рецидива. Заслуживает внимания то обстоятельство, что особо опасный рецидивист, а также осужденный к пожизненному лишению свободы отбывают наказание в колонии особого режима, а не в тюрьме. Исходя из статьи 50 УК РУз., может сложиться впечатление, что в тюрьму направляется значительное количество заключенных (лица, осужденные на срок свыше 5 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления). В то же время УК РУз. оговаривает, что продолжительность содержания в тюрьме не превышает пяти лет. ***Данное обстоятельство позволяет полагать, что тюремное заключение рассматривается как некий временной этап отбывания лишения свободы, не позволяющий полностью преодолеть «колонийскую» модель исполнения уголовного наказания.***

В то же время, по заключению проф. В.А.Уткина, «тюремные начала, развиваясь внутри колонийской системы, все более придают учреждениям «гибридный» и мультирежимный» облик¹⁸. Этой «гибридизации», а возможно, и конвергенции «колонийской» и «тюремной» модели способствует невозможность (да и ненужность) массового охвата осужденных трудом в сфере промышленного производства, снижение численности заключенных, преодоление карательно-репрессивной идеологии ГУЛАГа, способной приспособиться и к постсоветским реалиям. ***Подобная конвергенция должна повлечь преодоление милитаризованной «силовой» атрибутики в деятельности исправительных учреждений, смену парадигмы взаимодействия персонала УИС с осужденными,***

¹⁸ Уткин В.А. Указ. соч. - С. 156.

переориентацию с «массовых» форм воспитательной работы с осужденными на индивидуальные и групповые формы, направленные на создание условий для их ресоциализации.

Следует отметить, что с позиций Правил Нельсона Манделы (2015 г.), пенитенциарные учреждения должны соответствовать двум основным критериям: ***1) степени изоляции осужденного от общества; 2) способами обеспечения размещения и проживания осужденных (вариант «общежития» или покамерного содержания).*** Поэтому пенитенциарные учреждения могут быть ***«открытыми» и «закрытыми» с особым режимом охраны и передвижения заключенных.*** Действующий УИК Узбекистана предусматривает два вида колоний-поселений, которые можно было бы отнести к учреждениям «открытого» типа: 1) колонии-поселения для осужденных за преступления невысокой общественной опасности, за менее тяжкие умышленные и неосторожные преступления; 2) колонии-поселения для осужденных, переведенных из колоний общего, строгого режима и воспитательных колоний (в первом случае перевод осуществляется в качестве поощрения за поведение осужденного, в последнем – по возрастному критерию, когда дальнейшее нахождение заключенного в воспитательной колонии становится невозможным).

К учреждениям «закрытого» типа относятся колонии общего, строгого, особого режима и тюрьмы. ***В контексте Правил ООН Нельсона Манделы, различные категории заключенных должны содержаться в различных учреждениях или в разных частях того же учреждения, исходя из их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного обращения с ними.*** Колонии ***общего режима***, по УИК РУз., разделены на колонии для мужчин, осужденных впервые за тяжкие и особо тяжкие преступления; колонии для женщин, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, кроме женщин, ранее отбывавших лишение свободы за умышленное преступление или получавших статус особо опасного рецидивиста.

Колонии ***строгого режима*** дифференцируются по признаку пола (учреждения для мужчин и для женщин), по признакам юридического характера (для мужчин, отбывших наказание в виде лишения свободы за умышленное преступление и вновь совершивших умышленное преступление; для женщин, вновь осужденных за особо тяжкое преступление или имеющих особо опасный рецидив преступлений)

В колониях ***особого режима*** (ст. 49 УИК РУз.) содержатся только лица мужского пола, признанные особо опасными рецидивистами, а также осужденные на пожизненное лишение свободы. Надо полагать, что в таких колониях существует режим наиболее строгих условий содержания и изоляции от общества. В колониях особого режима, согласно статье 49 УИК РУз., отбывают наказание те осужденные, которым пожизненное лишение свободы в порядке помилования было заменено лишением свободы на определенный срок. Полагаем, что колонии особого режима

вместе с тюрьмами образуют учреждения наибольшей «закрытости». *Таким образом, главным критерием разграничения пенитенциарных учреждений по видам является различный уровень «строгости» режима (общий, строгий, особый).*

Сходная модель существует, например, в России. В ряде государств бывшего СССР, избравших тюремную модель исполнения лишения свободы (Литва, Латвия, Эстония, Грузия) существуют иные критерии разграничения видов пенитенциарных учреждений. Так, например, статья 13 Кодекса Латвии об исполнении наказаний предусматривает, что «наказание в виде лишения свободы исполняется в тюрьме закрытого типа, в тюрьме частично закрытого типа, в тюрьме открытого типа, а также в воспитательных учреждениях для несовершеннолетних. В учреждении лишения свободы могут быть организованы отделения тюрьмы как закрытого, так и частично закрытого, так и открытого типа». *Иными словами, главным критерием выступает не «строгость» режима, а «тип» - «открытость» или «закрытость» учреждения, исполняющего наказание.*

Как отмечалось ранее, тот или иной вид режима позволяет отнести учреждения к «открытому» или «закрытому» типу и в Узбекистане. Следует отметить, что в Латвии законодательство предусматривает «мультирежимные» учреждения, так как в одном учреждении могут создаваться отделения тюрьмы как «закрытого», так и «открытого типа». УИК РУз. фактически допускает «мультирежимность» учреждения: в соответствии со статьями 59 УИК РУз, «в случаях, предусмотренных законодательством, в колониях одного вида допускается организация изолированного участка для содержания осужденных к лишению свободы с отбыванием к наказанию в колонии другого вида».

Помимо того, заключенные могут содержаться в следственных изоляторах (СИЗО), где они размещаются в общих незапераемых камерах, изолированно от иных лиц (обвиняемых в совершении преступления). В соответствии со статьей 53 УИК РУз., *для отбывания наказания в СИЗО, где осужденный к лишению свободы на срок до 8 лет, должен выполнять хозяйственные работы, требуется его письменное согласие.*

Узбекский законодатель дифференцирует заключенных, обеспечивая их раздельное содержание. Согласно статье 58 УИК РУз., раздельно отбывают лишение свободы лица мужского и женского пола, взрослые и несовершеннолетние, что соответствует рекомендациям международно-правовых актов об обращении с заключенными. Кроме того, отделяются друг от друга впервые осужденные к лишению свободы и ранее отбывавшие это наказание, во избежание отрицательного воздействия последних на первых. В статье 58 УИК РУз. представлена еще одна дифференциация содержания заключенных. Раздельно и изолированно от других заключенных размещаются: 1) «особо опасные рецидивисты» (их узбекский

законодатель признает одними из наиболее общественно опасных преступников); 2) осужденные, которым пожизненное лишение свободы в порядке помилования заменено на лишение свободы; 3) иностранцы и лица без гражданства; 4) осужденные - бывшие работники судов и правоохранительных органов (очевидно, по соображениям безопасности); 5) осужденные, больные разными инфекционными заболеваниями.

Применительно к последней категории возникает вопрос о том, является ли наличие инфекционного заболевания основанием для обособления одних заключенных от других? Ведь и острое респираторное заболевание является инфекционным. **Не создает ли такое раздельное содержание риска отвержения и виктимизации больных заключенных и не порождает ли оно дополнительные трудности организационно-технического обеспечения подобного содержания?** С другой стороны, можно понять и законодателя, поскольку тяжелые и опасные инфекционные заболевания могут создать угрозу для жизни и здоровья других заключенных. Здесь возникает коллизия интересов безопасности и недискриминации по состоянию здоровья осужденных.

Коллизия может быть преодолена, к примеру, если оговорить в УИК РУз., что **администрация исправительного учреждения, при выявлении у осужденных тяжелых инфекционных заболеваний, принимает меры по их раздельному содержанию на период, достаточный для выздоровления и устранения опасности инфицирования других осужденных. Инфекционным больным оказывается необходимая медицинская помощь.** При этом, у администрации исправительных учреждений должен быть **перечень опасных инфекционных заболеваний, требующих изоляции больных.**

Подводя итог этому вопросу, эксперт отмечает, что, исходя из международно-правовых актов ООН и законодательства многих современных государств, в основе классификации пенитенциарных учреждений находится в первую очередь их деление на открытые и закрытые учреждения. Для последних характерны различные степени, уровни закрытости. Заключенные размещаются в них в зависимости от поведения, оценки общественной опасности, успехов в ресоциализации. Допускается перевод из одного вида учреждения в другой. **Данное обстоятельство, а также возможность существования мультирежимных учреждений, следует учитывать при построении нового уголовно-исполнительного кодекса Узбекистана.**

В частности, УНП ООН, рекомендует обеспечить надлежащую классификацию заключенных на основе «системы оценки риска и потребностей», что является одной из наиболее важных задач, которые должны решаться тюремным руководством для обеспечения охраны и безопасности тюрем при принятии решений о размещении заключенных, в тюрьмах различного типа. При этом тип («режим») тюрьмы должен будет определяться исходя не столько из тяжести

совершенного деяния, сколько из «уровня безопасности», основанного на уровне рисков заключенных, а также четко определенных критериев социальной реабилитации заключенных. Такие критерии должны использоваться судьями, при принятии решений о досрочном освобождении или переводе заключенных в тюрьмы открытого типа.

В этой связи стоит отметить, что «меры охраны в отношении заключенных должны быть такого минимального уровня, какой необходим для обеспечения их содержания в условиях изоляции. Это позволит тюремному персоналу более эффективно надзирать за меньшим числом заключенных, представляющих реальную угрозу для других; обеспечить наиболее гуманную тюремную среду, а также избежать лишних расходов на обеспечение более высокого уровня охраны для большого числа заключенных. В настоящее время общепризнано, что охрана и безопасность в тюрьмах зависят от создания позитивного климата, который способствует сотрудничеству администрации и заключенных. Внешняя охрана (предотвращение побегов) и внутренняя безопасность (предотвращение беспорядков) наилучшим образом обеспечиваются путем налаживания позитивных взаимоотношений между заключенными и персоналом. В этом суть так называемой "динамической безопасности".¹⁹ Динамическая безопасность характеризует такие взаимоотношения между персоналом и заключенными, при которых персонал осведомлен о ситуации, что дает ему возможность пресечь попытки организовать побег или беспорядки. В концепцию динамической безопасности входят: (1) налаживание позитивных взаимоотношений с заключенными; (2) направление энергии заключенных на конструктивную работу и деятельность; (3) обеспечение надлежащего и сбалансированного режима с индивидуализированными программами для заключенных. Хорошее поведение и сотрудничество могут поощряться также с помощью системы льгот, соответствующих различным классам заключенных».²⁰

8. Исполнение наказания в виде лишения свободы

Исполнение наказания в виде лишения свободы охватывает множество аспектов, начиная с элементарных условий содержания, быта, режима и заканчивая подготовкой к освобождению. Уголовно-исполнительное законодательство Узбекистана достаточно подробно регламентирует порядок приобретения

---

¹⁹ См. "Права человека в тюрьме: руководство по вопросам подготовки сотрудников тюрем в области прав человека", Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, с. 53 и Европейские тюремные правила (2006 год), 51.2.

²⁰ Управление ООН по наркотикам и преступности, «Меры, связанные и не связанные с лишением свободы: Тюремная система» из цикла «Пособие по оценке систем уголовного правосудия», Нью-Йорк, 2010 г., стр. 25.

осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости, предоставление осужденным прогулок, телефонных разговоров и свиданий.

Эти положения УИК РУз. созвучны рекомендациям Правил Нельсона Манделы относительно обеспечения связи заключенных с внешним миром. Предусмотрена возможность выезда осужденных за пределы исправительного учреждения вследствие исключительных обстоятельств (ст. 82 УИК РУз.). Ограничения на выезд в этой статье УИК РУз. вполне разумны и оправданны (не предоставляется, например, право на выезд осужденным за особо тяжкие преступления, осужденным к пожизненному лишению свободы). Представляется, однако, учитывая исключительный характер обстоятельств, с которыми связан выезд за пределы исправительных учреждений, что **осужденных необходимо наделить правом на обжалование немотивированного отказа в подобном выезде.** Характерно, что в уголовно-исполнительной практике современных государств возможность подобного обжалования является составной частью правового статуса осужденных. В Латвии, например, осужденный может обратиться в Административный суд, обжаловав такой отказ. **Эксперт полагает, что отсутствие возможности судебного обжалования в данной ситуации имеет весьма существенную коррупционную составляющую, когда осужденный полностью зависит от усмотрения администрации пенитенциарного учреждения.**

Важное место в правовом регулировании отбывания осужденными наказания в виде лишения свободы занимает правовой режим их труда. Стандартные Минимальные Правила ООН в отношении обращения с заключенными (2015 год) предусматривают, что **«...на заключенных следует возлагать полезную работу, достаточную для того, чтобы заполнить нормальный рабочий день» (Правило 71.2).** Таким образом, привлечение осужденных к труду не противоречит международным правовым актам в сфере уголовной юстиции, с учетом всех необходимых условий такого труда. Так, в статье 88 УИК РУз. говорится, что «... не допускается использование труда осужденных в пользу частных лиц». Эта норма, в целом, способствует предупреждению такой ситуации, когда заключенный не просто «направляется», а фактически в качестве объекта имущественных прав передается частным лицам для коммерческой эксплуатации. С другой стороны, нельзя не учитывать, что частный работодатель стал важнейшим элементом в современной рыночной экономике. И он может создавать рабочие места для осужденных. Уголовно-исполнительное законодательство Латвии, например, предусматривает заключение трудового договора между осужденным и «коммерсантом» под контролем администрации пенитенциарного учреждения. Разумеется, ни о какой передаче заключенного частным лицам речи не идет. По-видимому, **заключенные, содержащиеся в открытых учреждениях, должны иметь право на заключение трудовых договоров с негосударственными**

работодателями. Конечно, при условии строгого соблюдения трудового и уголовно-исполнительного законодательства и его целей.

В статье 88 УИК РУз. закреплено положение о цели привлечения осужденных к труду. Узбекский законодатель не связывает это привлечение с решением хозяйственных, экономических задач, определяя, что основная цель - в формировании у осужденных потребности в общественно-полезной деятельности. Думается, что эту норму можно дополнить словами **«... а также потребности развивать трудовые навыки, полезные для осужденного и его семьи после отбытия наказания»**. В статье 88 УИК РУз. оговаривается, что привлечение к труду должно осуществляться с учетом пола, возраста, состояния здоровья и трудоспособности осужденных и, по возможности, их специальности. Правом выбора - осуществлять трудовую деятельность либо отказаться от нее – пользуются инвалиды I и II групп, мужчины старше 60 лет, женщины старше 55 лет. Думается, что в соответствии с рекомендациями международно-правовых актов ООН, посвященных несовершеннолетним в сфере уголовной юстиции, несовершеннолетние осужденные **также должны привлекаться к труду только по их желанию** (кроме привлечения к труду по благоустройству). **По-видимому, об этом следует упомянуть в статье 88 УИК РУз., как и в будущем уголовно-исполнительном законодательстве.**

Действующий УИК РУз. в вопросах регулирования труда осужденных содержит нормы, относящиеся к трудовому законодательству Узбекистана, в вопросах нормирования рабочего времени, времени отдыха, оплаты труда, удержаний из заработка. Помимо этого, оговаривается, что осужденным гарантируется зачисление на лицевой счет, независимо от всех удержаний, 25% заработка, а инвалидам I и II группы, беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в Домах ребенка – не менее 50% заработка. Здесь все логично и понятно. Вопросы вызывает норма статьи 96 УИК РУз. В соответствии с ней, отчисление из заработной платы осужденных к лишению свободы на государственное социальное страхование не производится. Это означает, **что осужденные к лишению свободы государственному социальному страхованию не подлежат**. Значит, соответствующие нормы государственной социальной защиты на них не распространяются? Данное обстоятельство влечет фактическую дискриминацию заключенных по сравнению с другими гражданами Республики Узбекистан, вступающую в противоречие с Конституцией Республики Узбекистан и международными стандартами ООН в сфере обращения с заключенными. Что касается части 2 статьи 96 УИК РУз., то она по своему содержанию дает возможность толковать данную норму таким образом, что **осужденные к лишению свободы права на государственное пенсионное обеспечение в период отбывания наказания не имеют и получают его только после отбытия лишения свободы**. Если это так, то имеет место серьезное расхождение с международно-правовыми актами, посвященными защите прав

человека. *В условиях, когда осужденный, освободившийся из мест лишения свободы, не будет иметь средств существования и даже пенсионных выплат на лицевом счете, о его жизни после отбытия наказания, совместимой с человеческим достоинством, говорить не приходится.* Кроме того, возникает и противоречие со статьей 9 УИК РУз, предусматривающей право осужденных на пенсионное обеспечение. Может быть, все дело в упущениях юридической техники?

Представляется, что основная проблема, связанная с привлечением осужденных к оплачиваемому труду, заключается в минимальной возможности (во всяком случае, так обстоит дело в российских пенитенциарных учреждениях) обеспечивать осужденных таким трудом. В условиях рыночной экономики, низкой конкурентоспособности заключенных по сравнению со свободными гражданами, минимальной заинтересованности работодателей иметь дело с заключенными, привлечь их к труду становится сложно разрешимой задачей. *Для начала, по-видимому, следует ее решать путем создания условий для сохранения (или приобретения) осужденными элементарных трудовых навыков, позволяющих после освобождения из мест лишения свободы обеспечивать свой быт и помогать близким в бытовых вопросах, а в перспективе - найти работу, соответствующую этим трудовым навыкам.*

Довольно подробно регламентирует УИК РУз. основания и порядок применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (ст. 69-73 УИК РУз.). Имеется даже норма о применении смирительной рубашки (ст. 70 УИК РУз.). Закреплено положение о том, что «...применение специальных средств должно сводиться к минимальному причинению вреда осужденным и иным лицам». Следует отметить, что Конвенцией ООН против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания предусматривается, что в определение пыток и жестокого обращения не включается «...боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно...». Таким образом, названная Конвенция ООН допускает возможность причинения боли и страдания, обусловленными законными санкциями, к которым можно отнести применение физической силы и спецсредств. *Однако следует помнить, что любое чрезмерное, не вызываемое ситуацией крайней необходимости, применение спецсредств может перейти в пытку.* Обеспокоенность вызывает положение статьи 72 УИК РУз., согласно которому «...огнестрельное оружие может применяться и в иных случаях, предусмотренных законом». В «иных» сказано по отношению к основаниям применения оружия сотрудниками УИС, закрепленными в статье 72 УИК РУз. *Думается, что эти основания достаточно полно изложены и нет смысла выстраивать казуистическую формулировку «...в иных случаях». Она создает риск злоупотребления правом на применение огнестрельного оружия и*

оправдания такого применения. Вообще весьма двусмысленная формулировка «в иных случаях» не желательна в законодательстве, тем более в его уголовно-исполнительной отрасли. Сотрудники УИС должны использовать психологические возможности разрешения конфликтных ситуаций, как это рекомендуют международные стандарты ООН. Кроме того, о каждом случае применения оружия администрация исправительного учреждения должна незамедлительно извещать надзирающего прокурора, а сам заключенный, или иное лицо, пострадавшее от применения оружия или специальных средств, – проходить медицинское освидетельствование.

Нельзя не отметить, что высокий риск конфликтов между заключенными и персоналом исправительных учреждений связан с проведением мероприятий принудительного характера. К ним, в частности, относится производство обыска и досмотра (ст. 67 УИК РУз.). Такая проблема есть и в других странах. Например, в Казахстане в отчетах участников Национального превентивного механизма (НПМ) сообщаются случаи жалоб, заключенных на чрезмерную жесткость и необоснованное применение силы сотрудниками УИС при проведении обысков в жилых помещениях заключенных. В статье 67 УИК РУз. оговаривается, что обыск жилых помещений при наличии в них осужденных допускается в случаях, не терпящих отлагательства. **Однако в этой статье УИК РУз., как и в новом Уголовно-исполнительном кодексе, нужно закрепить положение о том, что при производстве обысков и досмотров не допускается неоправданное применение физической силы, специальных средств, а равно совершения по отношению к осужденным и иным лицам действий, унижающих человеческое достоинство и имеющих характер жестокого обращения.**

Стандартные Минимальные Правила ООН об обращении с заключенными («Правила Нельсона Манделы») исключительно важное внимание уделяют проблематике **ресоциализации заключенных**. Одним из ее элементов является воспитательное воздействие на осужденных. Правовому регулированию воспитательного воздействия на осужденных в главе 14 УИК РУз. посвящены три статьи. В них изложены общие принципы, виды и формы воспитательной работы с осужденными. В статье 9 УИК РУз. устанавливается, что «...в целях развития полезной инициативы, участия в решении вопросов организации труда, быта и досуга осужденных к лишению свободы, содействия администрации в поддержании дисциплины и внутреннего порядка могут создаваться различные организации осужденных».

Несомненно, организации осужденных нужно приветствовать, как факторы формирования социально-активного посткриминального поведения осужденных. Однако, предоставление таким организациям функции поддержания дисциплины и порядка вызывает возражения, поскольку позволяет одним заключенным осуществлять дисциплинарную власть над другими лицами, отбывающими

наказание. Это противоречит рекомендациям международных стандартов обращения с заключенными, позволяет «приблизить» к администрации исправительного учреждения определенный контингент «содействующих» осужденных, создать для них особое, привилегированное положение.

В России ранее схожее положение вещей в уголовно-исполнительном законодательстве подвергалось жесткой и обоснованной критике правозащитников. И не только их, но и представителей академической науки. Так, проф. О.В.Филимонов отмечал, что недостатки, связанные с самодеятельными организациями осужденных, «...наиболее ярко проявились в стремлении наделить самодеятельные организации осужденных функциями не только контроля, например, при поддержании правопорядка, но и в применении силы при задержании и приводе правонарушителя»²¹. Не случайно в статье 111 УИК РФ был впоследствии закреплен запрет на такую деятельность, т. е. на наделение самодеятельных организаций, осужденных дисциплинарно-пресекательными полномочиями администрации исправительных учреждений, а в 2011 году норма о самодеятельных организациях, осужденных была исключена из УИК РФ. **В УИК РУз. подобный запрет отсутствует, и можно полагать, что ситуация наделения дисциплинарной властью какой-либо части осужденных способствует конфликтам и напряженности, порождает препятствия нормальной, безопасной жизнедеятельности пенитенциарных учреждений.**

В статье 99 УИК РУз. провозглашается, что «предприятия, учреждения, организации, общественные объединения и граждане принимают участие в воспитании осужденных, в случаях и порядке, предусмотренных законодательством». Возможность участия различных социальных институтов в воспитательном воздействии на заключенных является важнейшим фактором ресоциализации осужденных, сохранения их благотворных контактов с внешним миром. «Правила Нельсона Манделлы» рекомендуют как можно более широкое участие гражданского общества в ресоциализации заключенных, что предполагает его участие в социальной, воспитательной работе с осужденными. **Однако желательно предусмотреть в УИК РУз. организационно-правовой механизм подобного участия.**

В соответствии с рекомендациями «Правил Нельсона Манделлы», следует уделять пристальное внимание образованию и профессиональной подготовке заключенных. В главе 15 УИК РУз. говорится о создании условий для получения осужденными общего среднего образования. При этом статья 110 УИК РУз. ограничивает право осужденных на получение высшего образования, оставляя его только за осужденными, содержащимися в колониях-поселениях и имеющим возможность обучаться заочно. **Представляется, что в целях ресоциализации осужденных, более эффективного исправительного воздействия, следует**

²¹ Уголовно-исполнительное право в России / под ред. О.В.Филимонова. - М., 2000. - С. 176.

обеспечить доступность высшего образования и для заключенных в иных исправительных учреждениях. Решить эту проблему можно за счет дистанционного обучения, однако его внедрение зависит не только от технических ресурсов исправительных учреждений, но и от того, допускает ли законодательство Республики Узбекистан об образовании.

УИК РУз. предусматривает также положение о профессиональном обучении и профессиональной подготовке осужденных (ст. 101 УИК РУз.). Такая профессиональная подготовка необходима им как для повышения конкурентоспособности осужденных на рынке труда, так и для формирования и развития у них умений и навыков, необходимых для осуществления тех или иных видов трудовой деятельности. *Представляется, что в этой сфере исправительным учреждениям важно сотрудничество с образовательными организациями, благотворительными фондами и иными социальными институтами, готовыми оказать помощь в профессиональном обучении осужденных.*

«Правила Нельсона Манделы» уделяют большое внимание проблеме уязвимых заключенных, т.е. находящихся в группе повышенного риска для своей безопасности и благополучия в условиях изоляции от общества. Этот риск обуславливается возрастом, состоянием здоровья, особенностями правового положения, религиозной, этнической принадлежностью и другими обстоятельствами. Уязвимые заключенные могут включать в себя «...несовершеннолетних, женщин и матерей, психически больных или лиц с отставанием в развитии, иностранцев, представителей меньшинств или коренных народностей, лиц, приговоренных к смертной казни». ²² У данной категории заключенных возникают особые трудности в ресоциализации, они подвергаются повышенному риску насилия и нарушения прав человека.

В связи с этим важно учитывать, насколько рекомендации международных правовых актов, посвященных «уязвимым» категориям заключенных, находят отражение в национальном уголовно-исполнительном законодательстве. Применительно к несовершеннолетним, следует отметить, прежде всего, главу 22 УИК РУз. Она называется «Отбывание наказания в воспитательных колониях». В соответствии со статьей 3(1) Конвенции ООН о правах ребенка, при принятии мер, касающихся детей, в том числе мер, предпринимаемых судами, административными или законодательными органами, должны учитываться интересы *благополучия ребенка*. Эти интересы также должны учитываться и при назначении наказания несовершеннолетнему, установлении режима по отбыванию, применении мер поощрения и дисциплинарного воздействия и при осуществлении всех имеющихся мер, касающихся правового статуса несовершеннолетних.

²² Права человека и уязвимые заключенные. Сборник, МОО "Международная тюремная реформа" - М., 2002. - С. 41.

Согласно статье 37 Конвенции о правах ребенка, необходимо обеспечить, чтобы «...ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания». В условиях изоляции несовершеннолетнего от общества, следует создать такие предпочтения «...чтобы *каждый лишенный свободы ребенок пользовался гуманным обращением и уважением неотъемлемого достоинства его личности с учетом потребности в силу его возраста*».

Исходя из рекомендации Минимальных Стандартных Правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила» ООН, 1985 г.), помещение несовершеннолетнего «...*в какое-либо исправительное учреждение, всегда должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимально необходимого срока*» (Правило 19.1). Безусловно, следует считать весьма позитивным моментом уменьшение наполняемости колоний для несовершеннолетних в Узбекистане. Однако наказание для несовершеннолетних в виде лишения свободы остается, как и оставлена его регламентация в УИК РУз. Статья 124 УИК РУз., предусматривающая раздельное содержание несовершеннолетних осужденных в возрасте до 16 лет и старше, соответствует рекомендациям международных стандартов, учитывающих социальные и психологические различия возрастных групп детей. Соответствуют им и дополнительные меры поощрения, и дисциплинарные взыскания (ст. 126 УИК РУз.).

В то же время следует отметить, что в статье 127 УИК РУз., устанавливающей строгое дисциплинарное взыскание – водворение в изолятор – *не указаны основания применения данной меры. По своей продолжительности (до семи суток для несовершеннолетних в возрасте от 13 до 16 лет, до десяти суток для подростков старше 16 лет) они приближаются к такому дисциплинарному наказанию, как длительное одиночное заключение, о котором речь идет в Правиле 67 Правил ООН по защите несовершеннолетних, лишенных свободы.* Применение длительного одиночного заключения как дисциплинарной кары для несовершеннолетних, по смыслу вышеупомянутого международно-правового акта, недопустимо.

Есть основания полагать, что водворение в изолятор на довольно продолжительный срок может отрицательно влиять на психическое состояние несовершеннолетнего, тем более в возрасте до 16 лет. Кроме того, нельзя исключать риски злоупотреблений при применении данного дисциплинарного наказания. Во всяком случае, следует учитывать, что «...*целью воспитательной работы с несовершеннолетними, содержащимися в исправительных учреждениях, является обеспечение опеки, защиты, образования и профессиональной подготовки с целью оказания им помощи для выполнения социально-полезной и плодотворной работы в обществе*» (Правило 26.1 Пекинских Правил ООН). *Этот*

лейтмотив необходимо отразить в новом уголовно-исполнительном законодательстве Узбекистана.

Больше внимания в нем следует также уделить и другим уязвимым группам заключенных: женщинам, лицам с ограниченными возможностями, больным СПИДом и т.п. Конечно, действующий УИК РУз. содержит положения о различных уязвимых категориях заключенных. Например, статьи 130-133 УИК РУз. предусматривают дополнительные права для осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей, оговаривают право промежуточных выездов женщин, являющихся матерями детей дошкольного возраста, за пределы исправительных учреждений.

Для женщин-заключенных оговариваются улучшенные условия содержания. Так, в частности, норма жилой площади на одного осужденного не может быть менее трех квадратных метров в общих жилых помещениях колоний для женщин, в то время как для взрослых лиц мужского пола этот показатель не может быть менее двух квадратных метров (ст. 84 УИК РУз.). Примерно схожие нормативы (не менее трех квадратных метров для женщин и 2,5 квадратного метра для взрослых лиц мужского пола закреплены в ч.1 ст. 115 УИК Казахстана, не менее 3 кв. м. для женщин и 3,5 кв.м. для лиц женского пола в воспитательных колониях предусмотрены в ч.1 ст. 99 УИК России).

В Кодексе Латвии об исполнении наказаний установлена норма жилой площади в 4 кв. м. на одного осужденного, без гендерной градации, и не менее 9 кв. м. в камере с одиночным заключением (ст.77 Кодекса). Однако в УИК Узбекистана положения международных стандартов, посвященных женщинам-заключенным, имплементированы далеко не в полном объеме. Например, ***Бангкокские Правила ООН содержат рекомендации предусматривать в пенитенциарных учреждениях помещения и принадлежности, необходимые для удовлетворения особых потребностей женщин, связанных с личной гигиеной*** (Правило 5).

Существует еще одна проблема – разлучение женщины-осужденной с ребенком, достигшим трехлетнего возраста, с наступлением которого ребенок с согласия матери может быть передан ее родственникам, а при отсутствии таковых или согласия матери на передачу, по решению опеки по месту жительства – иным лицам или направлен в детское учреждение (ст.132 УИК РУз.). Аналогичная норма имеется в части 2 статьи 116 УИК Казахстана, в части 3 статьи 100 УИК Российской Федерации. В Узбекистане, как и в России, этот срок нахождения ребенка с матерью-заключенной может быть продлен, если оставшаяся продолжительность отбывания ею наказания не превышает одного года.

Эксперт считает, что подобное разлучение, и особенно, передача ребенка в воспитательное учреждение, не зависимо от согласия матери, граничит с жестоким обращением и создает весьма серьезное препятствие в ресоциализации осужденной. Справедливости ради нужно отметить, что

возрастные ограничения на нахождение ребенка с матерью-заключенной имеют место и в других странах: в Германии и Испании – до достижения ребенком шестилетнего возраста, в Португалии и Швейцарии – до трех лет, Финляндии – до двух лет, в Латвии – до четырех лет.

Представляется, что в будущем УИК Узбекистана следует отразить право осужденной женщины оспаривать в судебном порядке передачу ее ребенка иным лицам, не являющимися близкими родственниками, либо в специализированное воспитательное учреждение. Заслуживает внимания то обстоятельство, что Правила Нельсона Манделы рассматривают возможность подачи заключенными жалоб, своего рода «ракетоносителем» обеспечения защищенности прав человека в условиях изоляции от общества.

9. Проблемы исполнения иных мер уголовно-правового воздействия

Дефиниция «иные меры уголовно-правового воздействия» находит отражение в УК и УИК Узбекистана. Аналогичные наименования представлены в уголовном законодательстве Республики Казахстан. В Российской Федерации законодателем используется другая формулировка нормативной конструкции – «иные меры уголовно-правового характера». На сегодняшний день многими юристами разделяется концепция «многоколейности» уголовного и уголовно-исполнительного права. В УК Польши, Германии, например, наряду с наказанием, сконструированы «меры безопасности», а в немецкой правовой доктрине разрабатывается концепция «мер восстановления». О мерах, альтернативных наказанию, плодотворно размышляли известные ученые – Нильс Кристи, Ховард Зер²³. Что касается дефиниции «иные меры уголовно-правового воздействия», то ее содержание на доктринальном уровне воспринимается неоднозначно и во многом дискуссионно. Узбекский законодатель относит к этим мерам в статье 174 УИК РУз.: 1) условное осуждение; 2) принудительные меры медицинского характера; 3) принудительные меры в отношении несовершеннолетних. Основанием для исполнения условного осуждения является приговор суда. Для остальных мер таковым является судебное определение (ст. 175 УИК РУз.).

Условное осуждение за века своего существования в правовой системе многих государств мира *стало фундаментом для возникновения и развития пробации*. В европейской юридической науке была высказана мысль о том, что условное осуждение стало «ракетоносителем» для пробации. В УИК РУз. регулированию условного осуждения посвящены статьи 176-180 УИК РУз. Поскольку условное осуждение представляет собой режим испытания, включающий юридические обязанности, возлагаемые на осужденного условно, Инспекция исполнения наказаний при ОВД контролирует выполнение осужденным этих обязанностей.

²³ См., например, Зер Ховард. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. -М., 2002.

Инспекция периодически вызывает осужденного условно, по-видимому, для проведения, профилактических бесед и контрольных отметок, и, согласно статье 178 УИК РУз., вносит представление в суд о полной или частичной отмене юридических обязанностей (правоограничений), либо об отмене условного осуждения и исполнения наказания, назначенного по приговору суда. ***К сожалению, ни о каком воспитательно-предупредительном, ресоциализирующем воздействии на осужденного условно со стороны инспекций исполнения наказаний действующий УИК РУз. не говорит ничего.*** Поэтому «пробационная» компонента в условном осуждении пребывает в нем в «замороженном состоянии».

В Российской Федерации условное осуждение регламентируется статьями 73, 74 УК РФ, статьями 187-189 УИК РФ. Контроль за осужденными условно осуществляют уголовно-исполнительные инспекции, проверяя выполнение осужденными условно возложенных на них судом обязанностей. В § 56 УК ФРГ определяется, что условная отсрочка наказания предоставляется, «...если можно ожидать, что осужденный учтет приговор и в будущем больше не совершит преступное деяние и без воздействия исполнения наказания»²⁴.

В Польше предусмотрена условная отсрочка наказания (ст.72 УК Польши). Продолжительность режима испытания обуславливается продолжительностью наказания, в отношении которого отсрочка предоставлена. В Польше имеется также институт условного прекращения уголовного преследования. Продолжительность режима испытания составляет при этом от года до двух лет, под угрозой возобновления уголовного преследования. Во Франции условное осуждение обозначается как «отсрочка исполнения наказания с режимом испытания», а срок испытания именуется «периодом надежности» продолжительностью от 18 месяцев до трех лет. На осужденного возлагаются обязанности, а контроль за его поведением выступает как пробационный надзор. Необходимо отметить, что в Минимальных Стандартных Правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением – «Токийских Правилах» (1990г.), условное наказание или наказание с отсрочкой содержится в перечне рекомендуемых альтернативных санкций (Правило 8.2). Применение этих санкций должно «...принимать во внимание потребности правонарушителя с точки зрения его возврата к нормальной жизни в обществе; интересы защиты общества и интересы жертвы, с которой в надлежащих случаях следует консультироваться» (Правило 8.1).

Наряду с условным осуждением, УИК Узбекистана предусматривает, как отмечалось ранее, режим исполнения принудительных мер медицинского характера (ст.33 УИК РУз.). Эти меры могут заключаться в амбулаторном наблюдении и лечении у психиатра, а также в помещении в психиатрическую больницу, в том числе с интенсивным наблюдением (ст.181 УИК РУз.). По существу, нахождение в психиатрической больнице означает нахождение в условиях уголовно-

²⁴ Уголовный Кодекс ФРГ. Hamburg, 2012. (на рус. языке).

исполнительного регулирования, изоляцию от общества, близкую к лишению свободы. На это, кстати, прямо указывает часть 1 статьи 186 УИК РУз. Следует также учитывать, что в подобных условиях психически больных лиц международные стандарты ООН обоснованно признают **уязвимой категорией заключенных**. У этих лиц широкий спектр проблем, включая высокие риски насилия, суицидов, дискриминации.

Правила Нельсона Манделлы говорят о необходимости учета их индивидуальных потребностей, а также о том, чтобы заключенные с психическими недостатками имели полный и эффективный доступ к тюремным услугам на равноправной основе и с учетом состояния здоровья. В соответствии с Принципами защиты лиц с психическими заболеваниями и улучшения оказания психиатрической помощи, заключенные имеют право на наилучшую психиатрическую помощь.

Позитивным аспектом УИК РУз. следует назвать возможность использования ресурсов гражданского здравоохранения для лечения психически больных лиц, совершивших общественно-опасное деяние. В статье 185 УИК РУз. перечислены права и обязанности больных в психиатрических больницах, в частности, обязанность «...принимать назначенное лечение и соблюдать правила внутреннего распорядка». В перечне прав ...упомянуто, что **«...больные могут пользоваться услугами адвоката»**. **Безусловно, это важное право, находящееся в русле рекомендаций международно-правовых актов, прежде всего, Правил Нельсона Манделлы. Однако в статье 185 УИК РУз. оно не обеспечено никаким механизмом реализации. Не ясно, например, кто будет приглашать адвоката к такому заключенному: он сам, родственники или иные лица? Каков режим посещения адвокатом больных, находящихся в психиатрических больницах? Как адвокату оформить представительство данных лиц, чтобы оно было принято судом и каковы гарантии доступа психически больных к адвокатской помощи?** Увы, эти и другие вопросы статья 185 УИК РУз. оставляет без ответа. **К сожалению, не содержится в ней положения об уважении человеческого достоинства психически больных заключенных, об их праве на гуманное обращение, как это следует из статьи 10 Международного Пакта ООН о гражданских и политических правах.** Представляется, что именно право на не дискриминацию и гуманное обращение, исключающее пытки, унижение человеческого достоинства, должно быть определяющим в правовом положении психически больных заключенных.

В статье 186 УИК РУз. устанавливается, что отдельно содержатся мужчины и женщины, взрослые и несовершеннолетние лица, страдающие психическим расстройством. Согласно этой статье УИК РУз., «...норма полезной площади не может быть менее пяти квадратных метров на одного больного». Статья 192 УИК РУз. предусматривает меры безопасности больных и персонала психиатрической больницы. Среди них названы: «при проявлении больным буйства, а также в случае

неповиновения и оказания физического сопротивления» *наручники, средства связывания и иные средства*). Если с буйством и физическим сопротивлением все понятно, *остается вопрос: зачем нужны наручники и средства связывания только лишь при неповиновении психически больного?* По крайней мере, об их применении в качестве исключительных средств ничего не сказано, а чрезмерное использование подобных средств может легко перерасти в *жестокое обращение, несовместимое с человеческим достоинством и противоречащее международным стандартам прав человека*.

Глава 34 УИК РУз. содержит статьи, посвященные принудительным мерам в отношении несовершеннолетних. Упоминается извинение потерпевшему, приносимое устно или письменно, публично или индивидуально (ст. 195 УИК РУз.). Эти меры соответствуют в целом понятию устных санкций в «Токийских Правилах ООН» (Правило 8.2). Правда, «Токийские Правила» акцентируют внимание не на принесении извинения, а на замечании, порицании и предупреждении; принесение потерпевшему извинения «духу» этого международного документа ООН не противоречит. Возмещение несовершеннолетним ущерба своими средствами или трудом в порядке и сроки, установленные судом (ст. 196 УИК РУз.), по своему содержанию соответствует «возвращению» имущества жертвы или постановлению о конфискации» («Токийские Правила» ООН, правило 8.2). Подобная мера имеет большой воспитательный смысл, конечно, при условии, что несовершеннолетний располагает заработком, иным легальным доходом, либо имеет необходимые трудовые навыки, достаточные для компенсации вреда, причиненного преступлением. Аналогичная компенсационная мера есть в части 3 статьи 85 УК Республики Казахстан. Российский УИК исполнение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних не регулирует, так как эти меры отнесены к сфере Уголовного кодекса РФ, а в УПК РФ имеется производство, связанное с применением мер принудительных мер воспитательного воздействия.

В статье 197 УИК РУз. предусмотрено помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение. Такое учреждение, как указывает статья 197 УИК РУз., находится под юрисдикцией гражданского ведомства – Министерства народного образования Республики Узбекистан. В упомянутой статье 197 УИК РУз. не раскрываются особенности правового положения несовершеннолетних в специальном учебно-воспитательном учреждении. *Это правовое положение, как следует из статьи 197 УИК РУз. определяется не на уровне закона, а на уровне подзаконных актов вышеупомянутого ведомства*. По-видимому, в отношении этих учреждений справедлива оценка Вивьен Стерн, сделанная, правда, применительно ко временным исправительным общезжитиям: они

«...являются некоторой альтернативой тюрьме»²⁵, но предусматривают «...некоторую степень лишения свободы»²⁶.

10. Досрочное освобождение осужденных от отбывания наказания

Международные стандарты ООН, посвященные правам человека в сфере уголовной юстиции, фокусируют внимание над вопросами, связанными с освобождением осужденных от наказания, включая условное освобождение от его отбывания. Так, в частности, Правила Нельсона Манделы указывают на то, «...чтобы перед завершением отбытия срока наказания применялись меры к постепенному возвращению заключенного к жизни в обществе. Этой цели можно добиться с *учетом особенностей каждого правонарушителя*, вводя особый режим для освобожденных либо в самом тюремном учреждении, либо в каком-нибудь другом учреждении, или же *освобождая заключенных на испытательный срок, в течение которого они все же остаются под надзором, при условии, что такой надзор не возлагается на полицейские власти и сочетается с эффективной социальной помощью*» (Правило 87). По существу, Правила Нельсона Манделы говорят о пробационном надзоре при условном (испытательном) освобождении от отбывания наказания, предполагающем целую систему социальной, психологической и иной поддержки лица, покинувшего пенитенциарное учреждение и находящегося на пути в общество. Условное освобождение из заключения и судебный надзор в качестве альтернативы наказанию упоминаются в «Токийских Правилах» ООН (Правило 8.2). При установлении постпенитенциарного надзора «...правонарушителем должна, в случае необходимости, оказываться психологическая, социальная и материальная помощь и должны предоставляться возможности для укрепления связей с обществом и для облегчения его возвращения к нормальной жизни в обществе» (Правило 10.4).

Условное освобождение (включая формат условно-досрочного освобождения) широко распространено на правовой карте мира, используется во многих государствах. Республика Узбекистан исключением не является. В разделе VIII УИК РУз. «Освобождение от отбывания наказания» представлена глава 28, имеющая название «Досрочное освобождение от отбывания наказания». В ней перечислены следующие основания такого освобождения: 1) условно-досрочное освобождение; 2) замена наказания более мягким; 3) болезнь или утрата трудоспособности; 4) акты амнистии или помилования (ст. 169 УИК РУз.). Можно полагать, что условно-досрочное освобождение выступает наиболее массовой разновидностью досрочного освобождения от наказания, вероятно, уступая по «охвату» заключенных акту помилования. В соответствии со статьей 164 УИК РУз., право ходатайствовать об

²⁵ Стерн В. Указ. соч. - С. 30.

²⁶ Там же. - С. 30.

условно-досрочном освобождении перед судом принадлежит самому осужденному или его адвокату. Однако если такое ходатайство не заявлено при наличии формально-юридических критериев допустимости условно-досрочного освобождения, предусмотренных в статьях 73, 74, 89, 90 УК РУз., администрация пенитенциарного учреждения «...обязана в месячный срок рассмотреть вопрос и вынести постановление о предоставлении либо отказе о представлении к условно-досрочному освобождению от отбывания наказания или к замене неотбытой части наказания более мягким» (ст. 164 УИК РУз.). Таким образом, узбекский законодатель допускает два пути: 1) инициатива самого осужденного; 2) инициатива администрации пенитенциарного учреждения. Первый путь, судя по всему, имеет приоритет, поскольку отказ администрации *представить осужденного к УДО, не лишает осужденного и его адвоката права непосредственно обращаться в суд с соответствующим ходатайством*. Конечно, это шаг вперед по сравнению с периодом, когда только администрация могла представлять осужденных к условно-досрочному освобождению. При отказе суда в УДО допускается повторное ходатайство или представление об этом не ранее, чем через шесть месяцев со дня вынесения судебного определения об отказе (ст. 164 УИК РУз.).

В Российской Федерации закреплено право только самого осужденного ходатайствовать перед судом об УДО. Это ходатайство направляется через администрацию исправительного учреждения в суд в 15-дневный срок со дня его поступления (ч.2 ст.175 УИК РФ). Причем, как следует из Определения Конституционного Суда России от 1.03.2012 г. № 274-0-0, отсутствие в ходатайстве осужденного сведений о раскаянии в содеянном, о частичном или полном возмещении вреда, причиненного преступлением, не препятствует принятию к рассмотрению ходатайства судом.

В УИК Узбекистана содержатся положения о подготовке осужденного к освобождению (ст.171 УИК РУз.). В частности, упоминается воспитательная работа с целью подготовки к освобождению, выявление нуждающихся в трудовом и бытовом устройстве, разъяснение прав и обязанностей после освобождения из учреждения. Администрация должна уведомить центр социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, по избранному осужденным месту жительства о предстоящем освобождении, трудоустройстве, наличии жилья, специальности. Предусмотрена материальная помощь путем представления осужденному денежной компенсации или продуктов питания, разовое денежное пособие для приобретения освобождаемому одежды и обуви по сезону (если таковая отсутствует).

Системные меры социальной и иной помощи лицам, освобожденным от наказания, партнерство в этом вопросе государственных органов и институтов гражданского общества УИК РУз. не называет. В УИК РУз. не детализируется

порядок освобождения от наказания беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, поскольку подобного вида освобождения (отсрочки) не содержит УК Узбекистана. Статья 75 УК РУз. упоминает об освобождении беременных женщин от отбывания исправительных и обязательных общественных работ, но не лишения свободы.

Заслуживает внимания опыт законодательного регулирования условно-досрочного освобождения в Латвии. В соответствии со статьей 79.1 Кодекса Латвии об исполнении наказаний, право ходатайствовать об УДО, в том числе и с установлением электронного надзора, принадлежит осужденному, который соответствует критериям условно-досрочного освобождения, предусмотренным уголовным законом. При наличии соответствия, администрация пенитенциарного учреждения в течение пяти дней направляет в Государственную службу пробации требование об оценке возможности УДО в отношении конкретного осужденного. Ключевым фактором в этой оценке выступают сведения о поведении осужденного в период отбывания наказания, его участие в мероприятиях по ресоциализации, результаты такого участия. Следует отметить, что Кодекс Латвии об исполнении наказаний уделяет ресоциализации весьма важное внимание. Так, например, в статье 61.6 Кодекса речь идет о разработке Плана по ресоциализации осужденного, в статье 61.4 – о Программе коррекции социального поведения осужденного. Статья 61.5 Кодекса регулирует общие положения о ходе деятельности по ресоциализации. Можно сказать, что осуществление целого комплекса мероприятий ресоциализирующего характера в отношении осужденных является сердцевинной всего процесса исполнения наказаний.

Согласно статье 79.3 Кодекса Латвии об исполнении наказаний, служба пробации в 15-дневный срок готовит оценочное сообщение и направляет его администрации пенитенциарного учреждения, в котором находится осужденный, желающий получить условно-досрочное освобождение. И только получив оценочное сообщение, как результат социального обследования личности осужденного, администрация направляет его вместе с заявлением конкретного заключенного в суд для решения вопроса о применении УДО. ***Нельзя не признать, что подобные процедуры позволяют суду получать объективные фактические данные о личности осужденного, прогнозировать риски постпенитенциарного рецидива, а, следовательно, наиболее обоснованно применить условно-досрочное освобождение. Это практически не оставляет места коррупции и субъективизму.*** Механизм аналогичных процедур имеется во всех государствах, где пробация имеет успешную или сформировавшуюся относительно недавно практику применения. В странах, поддержавших режим пробации (Казахстан, Кыргызстан), подобный механизм предстоит еще создать. При его отсутствии суду намного сложнее, руководствуясь только ходатайством осужденного, представлением и характеристикой администрации (увы, не гарантированной от предвзятости и

тенденциозности), принять справедливое, оправданное решение об условно-досрочном освобождении. При отказе суда в предоставлении УДО, осужденный может обратиться не ранее, чем через четыре месяца, с повторным заявлением об условно-досрочном освобождении (ст. 79.4 Кодекса Латвии об исполнении наказаний). При удовлетворении судом просьбы осужденного об УДО, администрация пенитенциарного учреждения так же, как и по законодательству Узбекистана, Казахстана, России, Молдовы, Эстонии, Беларуси разъясняет осужденному его права и обязанности. В соответствии со статьей 118 Кодекса Латвии об исполнении наказаний, лицу, освобожденному из пенитенциарного учреждения, оплачивается проезд до места жительства, приобретение соответствующей сезону одежды и обуви.

Уголовно-исполнительное законодательство Латвии предусматривает создание в исправительных учреждениях специальных фондов освобождения, и осужденный при освобождении получает денежные средства не только со своего лицевого счета, но и из упомянутого фонда (ст. 112 Кодекса Латвии об исполнении наказаний). Если осужденный является малообеспеченным гражданином, он обеспечивается органами городского самоуправления по месту жительства жилым помещением (ст.119 Кодекса Латвии об исполнении наказаний). К сожалению, эксперт не располагает данными о том, насколько «работоспособна» эта норма. Законодательство Латвии четко определяет, под надзор какого ведомства должен поступить условно-досрочно освобожденный от наказания. Это Государственная служба пробации. В статье 119.7 Кодекса Латвии об исполнении наказаний конструируются обязанности таких лиц. Среди данных обязанностей содержится важное требование ***участвовать в программах пробации***. Таким образом, досрочно освобожденный «охватывается» комплексом мер ресоциализирующего характера, способствующих предупреждению рецидива преступлений и облегчающих путь недавнего заключенного в общество. В пользу пробации говорит и такой немаловажный факт, как экономия средств государства: один день содержания заключенного в Латвии обходится государству в 18 евро, а досрочно освобожденного, находящегося на пробации – в 1, 5 евро. ***Чтобы путь недавнего заключенного к свободе не был тернистым, следует уделить пристальное внимание мировому опыту применения пробации в условиях реформирования национального уголовно-исполнительного законодательства Узбекистана.***

11. Итоги экспертного анализа

Проведенное исследование позволило сделать некоторые выводы, которые, по мнению эксперта, можно использовать в дискуссиях и обсуждении путей совершенствования уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения в Республике Узбекистан.

1. Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан выступает ключевым источником правового регулирования отношений по исполнению наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия. По своему содержанию и значению он является законом «переходного периода», в целом исчерпавшим свой потенциал в условиях демократических изменений общества и государства в современном Узбекистане. Кодекс выполнил свою историческую миссию сохранения преемственности правовых институтов, традиций юридической техники, сближающих постсоветские государства Центральной Азии, в сочетании с отдельными нормами, имплементирующими принципы международных правовых актов об обращении с осужденными.

2. В то же время многие положения Уголовно-исполнительного кодекса Узбекистана устарели концептуально и не соответствуют потребностям демократического развития страны, политическому курсу на укрепление имиджа Узбекистана, как динамично развивающегося современного государства. Прежде всего, это положения, касающиеся обеспечения прав человека при исполнении наказаний, реализации различных форм контроля в деятельности уголовно-исполнительной системы, использования инструментария альтернативных санкций, создания правовых условий осуществления современных форм и методов воспитательного воздействия как основы ресоциализации осужденных.

3. Уголовно-исполнительное право по своей природе является отраслью с решающим преобладанием процессуальных норм и институтов. ***По сути, это право процедур, где должны четко работать процессуальные механизмы.*** Этого как раз не хватает в действующем УИК РУз. Многие его положения, особенно посвященные правам осужденных, осуществлению контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы, оказываются декларативными, не имеющими механизма реализации, что в значительной мере снижает их практический смысл.

4. Увлечение законодателя юридической казуистикой и неполнота имплементации международных стандартов прав человека привели в ряде случаев к несоответствию положений УИК РУз. рекомендациям этих стандартов. Допущенные нарушения юридической техники привели к тому, что в нормах о применении сотрудниками УИС физической силы, спецсредств, огнестрельного оружия имеется формулировка, позволяющая расширительно толковать основания такого применения, что не только не соответствует ключевым положениям международных стандартов ООН и создает риск злоупотреблений в процессе применения силы и спецсредств, но и наносит ущерб имиджу государственных

органов, с которыми персонифицируется применение физической силы и специальных средств. То же самое относится и к регламентации применения специальных средств к психически больным заключенным. К сожалению, в УИК РУз. отсутствуют положения, имплементирующие норму Правил Нельсона Манделы о том, что «...тюремной администрации рекомендуется использовать, насколько это возможно, механизмы предупреждения конфликтов, посредничества или любые иные альтернативные методы разрешения споров для предупреждения дисциплинарных нарушений или урегулирования конфликтов» (Правило 38). Наличие подобной имплементации по «букве» или «по духу» позволило бы закрепить основания применения силы, специальных средств и тем более огнестрельного оружия, как действительно исключительные, продиктованные крайней необходимостью.

5. Действующий УИК РУз. недостаточное внимание уделяет процедурным вопросам рассмотрения и разрешения жалоб осужденных, мало затрагивает вопросы возможности судебного обжалования осужденными дисциплинарных взысканий, отказа в выезде за пределы исправительных учреждений вследствие исключительных обстоятельств, что не способствует минимизации конфликтов между осужденными и администрацией исправительных учреждений.

6. К сожалению, недостаточно отражены в УИК РУз. особенности обеспечения достойных условий для отбывающих наказания в виде лишения свободы осужденными уязвимых категорий. Нормы о несовершеннолетних, о заключенных-женщинах, об инвалидах, о лицах с психическим расстройством в УИК РУз. имеются, однако они весьма неполно раскрывают проблемы данных лиц (например, отсутствует механизм обеспечения элементарных прав заключенных, являющихся инвалидами-«колясочниками»). Отсутствуют также реальные гарантии защиты заключенных-женщин от сексуального и иного насилия. Справедливости ради, надо отметить, что это не только проблемы УИК Узбекистана, но и уголовно-исполнительных кодексов других государств Центральной Азии. Но в УИК РУз. некоторые категории уязвимых заключенных не упомянуты вовсе. Это, в частности, ВИЧ-инфицированные и больные СПИДом. Возможно, их вообще нет в исправительных учреждениях Узбекистана? Но если предположить, что таковые, пусть и в малом количестве, содержатся в пенитенциарных учреждениях, возникает риск, что их относят (могут отнести) к осужденным, страдающим инфекционными заболеваниями, и подвергнуть дискриминационному обособлению от других осужденных к наказанию в виде лишения свободы.

7. Действующий УИК РУз., как отмечалось ранее, провозглашает учет общепризнанных норм и принципов международного права, приоритет международных договоров над нормами национального уголовно-исполнительного законодательства. Однако важнейшие положения международных норм, относящиеся к защите человеческого достоинства, недопустимости пыток и

жестокое обращение, практически не упомянуты в основах правового статуса осужденных, в статьях УИК РУз., регламентирующих различные правоограничения и принудительные мероприятия, осуществляемые сотрудниками УИС в исправительных учреждениях.

8. В действующем УИК РУз. не имеется правовых основ для осуществления общественного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений, что расходится не только с рекомендациями международных правовых актов ООН, но и с опытом многих современных государств в сфере реализации общественного контроля, обоснованно позволяющего улучшить исправительно-предупредительную деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы.

9. Действующий УИК РУз. практически не содержит норм, посвященных регулированию воспитательного воздействия на осужденных к наказаниям без лишения свободы. Не имеется и алгоритма участия в этом процессе (а в более широком контексте – и процессе ресоциализации) институтов гражданского общества и его ресурсов, в том числе связанных с учетом социокультурных, духовных традиций общества в Узбекистане. В УИК РУз. не содержится критериев исправления осужденных, не используется инструментарий создания условий для ресоциализации осужденных, учитывающий мировой опыт применения probation. Это не способствует эффективности применения уголовно-исполнительного закона. «Блок», связанный с ресоциализацией осужденных, в том числе при наказаниях и иных мерах, альтернативных лишению свободы, ***необходимо качественно усилить в уголовно-исполнительном законодательстве.***

10. Отдельные недостатки юридической техники и содержательность контекста в действующем УИК РУз., на которые обращается внимание в настоящем экспертном исследовании, можно устранить «постатейно» – путем внесения изменений и дополнений в действующий Уголовно-исполнительный кодекс. Однако концептуальные изменения и принятие нового УИК Республики Узбекистан представляются более предпочтительными.

11. Лучшее из имеющегося опыта уголовно-исполнительного регулирования в Узбекистане следует сохранить так же, как и сложившиеся традиции юридической техники, языка и стиля закона. При этом в процессе подготовки проекта нового УИК РУз. целесообразно решительно отказаться от положений «вчерашнего дня», препятствующих диалогу институтов гражданского общества, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, эффективному воспитательно-профилактическому воздействию на осужденных, их ресоциализации, соблюдению и защите основополагающих прав человека в условиях исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

Используемые источники

1. Всеобщая декларация прав человека: Принята резолюцией 217 А (Ш) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах: Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года.
3. Международный Билль о правах человека. – Алматы, 2002.
4. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: Принята резолюцией 9/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года.
5. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка: Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года.
6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [Пекинские правила]: Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года.
7. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением: [Токийские правила]: Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года.
8. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы [Бангкокские правила]: Приняты резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2010 года.
9. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными [Правила Нельсона Манделлы]: Приняты резолюцией 70/175 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 2015 года.
10. Конституция Республики Узбекистан [принята 8 декабря 1992 г. ВС РУз.; с изменениями и дополнениями от 16.04.2016 г.].
11. Кодекс Латвии об исполнении наказаний.
12. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан.
13. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики.
14. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан.
15. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.
16. Уголовный кодекс Республики Узбекистан.
17. Уголовный Кодекс ФРГ. – Hamburg, 2012. (на рус. языке).

Литература

1. Гета М.Р. Альтернативы наказанию. – Усть-Каменогорск, 2004.
2. Гета М.Р. Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России. – М.: Норма, 2016.– 336 с.
3. Европейские тюремные правила, 2006 г.
4. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. – М., 2002.
5. Ковалев Н.П. Пенитенциарные системы: сравнительный анализ организационно-правовых форм // Ежегодник Центра правовых исследований. – Астана, 2008.
6. Лаптев А. Виды уголовных санкций по законодательству зарубежных стран и их применение. – Рязань, 1994.
7. Права человека и уязвимые заключенные. Права человека и уязвимые заключенные. Сборник, МОО "Международная тюремная реформа" – М., 2002.
8. Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказание. – М., 1992.
9. Стерн В. Разработка мер, альтернативных тюремному заключению в странах Центральной и Восточной Европы, и Средней Азии. – Будапешт, 2002.
10. УНП ООН, «Меры, связанные и не связанные с лишением свободы: Тюремная система» из цикла «Пособие по оценке систем уголовного правосудия», Нью-Йорк, 2010 г.
11. УНП ООН, Пособие "Права человека в тюрьме: руководство по вопросам подготовки сотрудников тюрем в области прав человека", Нью-Йорк и Женева, 2004 г. Уголовно-исполнительное право в России / под ред. О.В.Филимонова. – М., 2000.
12. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. – Томск, 2018.